

Марьяна Брай

ЛИХОДЕЕВА 2

Сделка с нечистью

НЕВСКИЕ СТРАЖНИЦЫ

Лиходеева

Марьяна Брай

Лиходеева 2. Сделка с нечистью

«Автор»

2026

Брай М.

Лиходеева 2. Сделка с нечистой / М. Брай — «Автор»,
2026 — (Лиходеева)

Да, да, дорогой читатель, мы продолжаем историю госпожи Лиходеевой - скучной барышни из нашего времени, волей судьбы переместившейся в Санкт-Петербург девятнадцатого века, чтобы стать стражницей. Она живет в доме, который выиграла, благодаря родовому бесу, скрывает его от своих соратниц, борется с другими, менее симпатичными бесами и... что самое важное - находит себя. Больше она не скучная девица - паталогоанотом в черном худи. Теперь она яркая светская львица, понимающая свою ценность, а еще, ценность людей, и не только людей, которые ее окружают. (да, дорогие мои. я не смогла расстаться с этими героями, и нас ждет продолжение, не смотря на то, что первая книга - полноценный том. Ну вы ведь тоже не хотели расставаться с Лукой и Анной?

© Брай М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	28
Глава 9	31
Глава 10	34
Глава 11	38
Глава 12	42
Глава 13	45
Глава 14	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Марьяна Брай

Лиходеева 2. Сделка с нечистью

Глава 1

Когда в мой сон ворвались привычные звуки, я еще боролась с желанием побыть в объятиях Морфея, старалась как-то компилировать эти голоса и шумы в сновидение, но тонкая вязь забвения все же протёрлась и вернула меня в реальность.

— Надобно будить хозяйку. Обед уже, а она все спит. Нехорошо это, — слова Степаниды дали мне понять, что бряканье посуды – совсем не случайны.

— Ни сердца у тебя нет, ни ума, гренадер в юбке, не иначе, — шипела Катерина.

Не хватало лишь голоса Луки, который должен был сейчас дать мне понять, что эти бабы к хорошему не приведут, а еще, что немаловажно, это я виновата в такой жизни, поскольку собираю в своем доме невоспитанных молодых особ – полукровок.

Впервые за последние месяцы я проснулась без чужого голоса в моей голове. Впервые я боялась выйти из спальни, и не увидеть на подоконнике в кухне своего разбитного, хамоватого, но ставшего в какой-то мере уже частью меня, беса.

Я вышла в кухню, залитую солнцем, и какой-то нестерпимо слепящей белизной.

— Анна Львовна, душечка, да чего же мы искучались, — взмыла руки, и хлопнула себя по бокам Степанида, — гляньте, чего приключилось за ночь! Снег лег! И это на месяц, считай, раньше положенного! Бог, будто решил город весь начисто вымыть!

— Анна Львовна, милая! — Катерина, в отличие от нашей теперь уже экономки, не сдержалась и бросилась меня обнимать. В глазах ее плескалась и нежность, и страх, видимо, испытанный за последние дни. Да, девочка не знала всего, но чувствовала: бесовское начало в ней не обманешь.

— Ну, вы разгалделись, как бабы базарные, с вами лишнего не поспишь, — я глянула в окно и обомлела: снег, кажется, шел каким-то совершенно противоестественным образом, покрывая белым и чистым не только горизонтальные поверхности, но и стены домов. Будто кто-то специально закидал их, чтобы спрятать серый камень.

— Все, за стол! — скомандовала Степанида, и принялась заставлять его мисками, тарелками, подносами. А потом рядом со мной поставила огромную кружку чая.

— А где кофе? — сдвинув брови, спросила я.

— Чай сегодня. У вас лицо, будто на солнце неделю лежали. Этот ваш кофий до доброго не доведет. Потемнела голубушка, аки рыбарь по весне! — тон экономки говорил мне лишь одно – спорить бесполезно и себе дороже.

— А... как вы...

— А так. Проснулась в пять утра, чую, что-то не так. Глянула в окно, а там снег. Падает, будто пух. Неслышно. Ни ветерка, ни тебе мороза особого, а снег валит. Подняла Бориса, велела выезд наш собирать. Эту вот вертихвостку еле подняла, она мне вчера всю плешь проела, мол ехать надо в Петербург, в квартиру и узнать, как вы тут. Всю ночь не спала девка, под утро сон сморил.

— Бориса? – не понимая, о ком она, переспросила я.

— Дык... Выезд имеем, а конюха – нет. Вот я и нашла. Сама нашла, хозяйка. Но ты глянешь на него, поймешь, что хороший мужик. Годный!

Я видела, что Катерина оглядывается, присматривается ко мне, и чувствовала ее немой вопрос о Луке.

— Потом поговорим. А пока всем завтракать! Дел полно. Степанида, ты можешь обратно ехать – дом нехорошо пустым оставлять. А мы с Катериной тут побудем еще. Ты за нами Бориса отправь к вечеру, — ответила я и заметила, что девочка успокоилась – поняла, что я не оставляю ее без новостей, а самое главное – без новостей о Луке.

Как только за Степанидой закрылась дверь, Катерина устала на меня. Я в этот момент убирала со стены все каракули о деле, которое мы вели, и думала, что следователь из меня препоганый – не смогла самое простое предположить.

А Варя... Надеюсь, что обер-прокурор позволит с ней поговорить, да и вообще, позволит узнать об этом деле побольше. Не хотелось сейчас с корабля на бал – сразу погрузиться в текущие дела Глеба Ивановича.

— Анна...

— Лука вернулся, милая. Но это теперь выглядит несколько иначе, - оборвала я девочку, боясь услышать ее вопрос.

— Фух... а то я уже и с матушкой встретишься, а она говорила, что не чувствует его здесь. Думала...

— Сегодня ты все узнаешь. Ты молодец у меня, — я бросила листы, содранные со стен на пол, и обняла девочку. — Только... давай договоримся, Катерина.

— О чем? — взгляд ее сказал, что вопросов у нее стало только больше.

— Договоримся быть честными и открытыми. А потом, когда ты узнаешь, чем закончилась эта история, останешься прежней, и еще хоть немного побудешь ребенком?

— Хо-ро-шо-ооо, — осторожно пообещала Катерина и отстранившись, посмотрела мне в глаза. — Но он же жив? Он вернется к нам?

— Он жив, здоров и невредим. Остальное потом, — пообещала я и велела собираться. Нам нужно было попасть в Управление жандармерии до того, как там все решится без меня.

Я прислушивалась к себе пока одевалась, пока мы ехали по чудесному заснеженному городу, пока поднималась по лестнице, где знала каждую щербину на ступенях.

Но внутри было тихо. Никто не озвучивал своих мыслей, никто не проявлял негодования, и никто не жаловался на скудное питание и сиротливую жизнь.

« — Лука,» — осторожно про себя позвала я.

В голове стучали молоточки – кровь, приводимая в движение моим, казалось, умершим вчера сердцем, продолжала свою работу.

Я старалась не думать о вопросах, копящихся сейчас в этой самой голове, старалась абстрагироваться, уйти от того, что на самом деле было сейчас необходимо, но у меня не получалось!

— Анна Львовна, душенька, это вы чего же явились сюда? — вот такого голоса у своего начальника я не слышала ни разу. Тут тебе и «душенька», и елей в тоне такой, что сахарный диабет можно получить воздушно-капельным путем, и улыбка, готовая разорвать его вечно недовольное, а сейчас прям таки источающее счастье лицо.

— Нужно закончить начатое вчера, Глеб Иванович, — ответила я, понимая, что собеседник мой, стоящий сейчас спиной к двери своего кабинета, счастлив, что вышел вовремя.

— Ой, ну ведь решилось все, дорогая Анна Львовна! Идемте, идемте, провожу вас, усажу в экипаж, и пару дней можете блаженствовать в вашем особняке. Дышите воздухом, любуйтесь снегом! Вы видели что природа сегодня с утра учудила? — он уже было подхватил меня под руку, но тут из-за моей спины вышла Катерина.

К слову, одета она была просто: пальтишко, перевязанное сверху шалью, чуни на ногах – все, что было в ее вещах. Сегодня я как раз планировала одеть девочку перед отъездом в наш дом.

— Вы и есть, значит, Глеб Иванович? — буркнула Катерина и оттеснила мужчину от меня. — Анна Львовна по делам приехала, усталая, но приехала, а вы ее вот так вот? Хоть бы чаем напоили!

— Катюша, ты обещала молчком? — напомнила я, а потом перевела взгляд на Панфилова и спросила: — Константин Петрович здесь?

— Тут, тут, и дела у нас с ним важные. Такие, что чужим ушам слышать не надобно, — глазки его бегали, и я поняла, что ротмистр совсем не случайно вышел. Ходил по кабинету, как тигр по клетке, пока тот его отчитывал, а меня в окно увидал. Вот и выскочил, как пряник из горячей формы.

— Константин Петрович! — громко сказала я в сторону двери, а потом отодвинула своего руководителя и взялась за ручку двери. — Катюша, а ты пока с дяденькой тут побудь, пусть он тебе историй сказочных порассказывает. Он у нас сказочник – всем сказочникам сказочник! – добавила я Катерине и вошла в кабинет.

Глава 2

Победоносцев выглядел подтянутым, отдохнувшим даже, и мне показалось, что обер-прокурор рассматривает меня на вопрос моего состояния.

— О! Анна Львовна! Я думал, вам нужно время, чтобы прийти в себя. Тяжелая была ночь...

— Добрый день, Константин Петрович. Да, ночка была жаркой, но мне нужно знать, чем все закончилось, а еще... я хотела бы поговорить с этой девочкой.

— С Варварой? — уточнил обер-прокурор и во взгляде его сверкнула сталь.

— Да, с ней. Где она сейчас, и какие у вас на нее планы? Думаю, тюрьма в этом случае совсем не подходит, — я присела в кресло, на которое указал Победоносцев.

— Нет, что вы... тюрьма, боюсь, не справится с этой... даже не знаю, называть ли ее колдуньей. Наши стражницы сейчас с ней в монастыре. Там, где обучали вас.

— Значит... все там, кроме меня? — в груди даже загло от обиды. Да, я прекрасно понимала, что они считали меня не совсем в состоянии, чтобы после такого ЧП отправить еще и туда, но можно было как-то отложить это.

— Я уверен, вы понимаете, чем я руководствовался, когда не привлек вас. И, прошу не думать, что я вам не доверяю, или, упаси Бог, считаю вас несостоявшейся хоть в чем-то. Но вам, и правда, лучше сейчас побыть дома. С ними Алексей Петрович. Он ранним утром отправился в монастырь, чтобы засвидетельствовать все, что наши девушки узнают. Это его дело. И, да, он жив, здоров, и совершенно цел. Кроме шрама от... — он отвел глаза и упустил конкретику, — кроме шрама на нем нет и следа прошлой болезни. Это тоже вызывает вопросы. И, думаю, такие сильные стражницы, как Бесова мигом обнаружат в нем... нехорошие перемены.

У меня волосы на затылке зашевелились. Я не чувствовала Луку, не слышала его. И, вероятно, это было не потому, что он сам этого не хочет, или по еще какой-то причине. Вероятнее всего, он уже запечатлен в одну из тех самых шкатулок, поскольку стражницы поняли, что в теле Алексея совсем не Алексей.

— Я прямо сейчас поеду туда, господин Победоносцев, — я не встала, а вскочила. Картинка рисовалась уж очень ярко, и пережить потерю еще раз я не планировала. Мой бес, мой Лука, вернувшийся сам черт только знает каким образом...

— Ну уж нет, милая вы наша. Никто не сомневается в вашей силе. А после этого дела вам будет предложено новое звание, встреча с Императором и, что немаловажно, вы станете обучать возможных новичков. Это и еще кое-что я вам должен был сообщить при личном визите, но раз уж вы здесь... и, да, я лично прослежу, чтобы вы пару дней провели в вашем доме. Кстати... о доме. Анна Львовна, я не сую нос в чужие дела, пока меня не попросят. А тут... выяснилось, что жилье и довольствие вы получали... как бы это сказать мягче...

— Я все прекрасно получала, а то, чего не дополучала, брала там, где всего в избытке. Жалоб не имею, рада служить отчизне и нашему общему делу, но вместо ордена прошу дать разрешение прямо сейчас отправиться в монастырь. Я хочу завершить это дело и...

— И увидиться с Алексеем, чтобы быть уверенной в его здоровье? — перебил меня обер-прокурор и предложил вполне себе великолепную причину для моего столь возбужденного состояния. Пусть думает, что это любовь. Да хоть что пусть думает!

— Вы верно подметили, и я... простите, но я не могу ничего поделать с собой! Я...

— Глеб Иванович, — крикнул Победоносцев в сторону двери, и она моментально открылась, и в проеме показалась голова моего руководителя. — Будьте так любезны, организуйте выезд для вашей подопечной, настаивающей на вашем к ней прекрасном отношении. А еще, будьте любезны, принесите книги по расходам. Я хочу лично убедиться, что госпожа Лиходеева ни в чем не ущемлена.

Колеса кареты заносило на каше из начавшего таять снега, но ехали мы достаточно быстро.

Катерина, видя мое состояние, молчала, и я была ей благодарна за это. Думала я сейчас только об одном: как уговорить стражниц не убивать Луку. Вариант, что они уже это сделали я просто отметала не только потому, что не хотела думать о смерти Луки, а больше из логики.

Да, я пока не понимала на каких правах мой бес оказался в теле умершего офицера, но что-то подсказывало, что изгони они беса, Алексею не жить. И стражницы должны были это понимать. Ну, и, как минимум, посоветоваться на этот счет с обер-прокурором.

К месту мы добрались уже затемно. И Катерина напонила о моем обещании Степаниде вернуться. Та будет явно нервничать. Только, сейчас мне было ни до кого.

Настоятель монастыря был удивлен нашему прибытию, но провел нас в одну из келий. И велел ждать. А я корила себя за то, что не получила от обер-прокурора никакой записки о разрешении, но надеялась, что карета жандармерии скажет ему больше моих слов.

Катерина недолго рассматривала каменные стены. Она заснула через несколько минут, уткнувшись в колючее одеяло носом, и сопела сейчас рядом со мной на жесткой, почти арестантской кровати. Я сидела, обняв ее, и раскачиваясь.

Дверь открылась без скрипа, и в комнату заглянул монах. Он был стар, но глаза его мне показались молодыми.

— Госпожа, можете оставить девочку и пройти за мной. Стражницы ждут вас в столовой. Ужин они пропустили, да и вы как раз, явились явно не ужинавши. Если девчонка проснется, я лично принесу ей каши. Идем, — он махнул ладонью, и я поторопилась за ним.

Коридоры эти были мне знакомы. Я жила в этом крыле почти год. Тоска, которую я тогда испытывала, то непонимание происходящего, то состояние неверия и отрицания навалилось как-то сразу, кучей. И к моему страху за Луку добавилось это вот дежавю.

Сначала я слышала голоса и смешки. Женские смешки, а потом мужской голос. Он звучал тонко, но изящно. Баритон бархатно перекачивался, менялся от игривого к строгому и обратно.

— Вы даже представить себе не можете, Ксения, какого размера калачи в Москве. Это не калачи, а рога дьявола! И они носят их за ручку. Да, да, ручка, которая вылеплена из теста. Вот так идет мужик с рынка, а в руке у него калач... Москва все же..., — голос Алексея прервался, когда мы вошли в столовую.

Тускло горели свечи на длинном столе, девушки сидели на табуретах. Кто-то, оперев локти в стол и положив на ладони голову, кто-то уже отнес табурет к стене и наклонился на нее спиной. Бесова рассматривала свои ногти, и когда услышала нас, подняла глаза на меня. Все выглядели уставшими, но приподнятое настроение держало еще далеко ото сна.

— Добрый вечер, — тихо сказала я, стараясь не смотреть на Алексея.

Мой Лука был здесь. Теперь я чувствовала его, но совсем слабо, и это было похоже на тонкую вибрацию в груди. как если бы он находился в тысяче километров от меня. И это не было тем самым ощущением нечисти, а лишь ниточкой нашей связи.

Это явно был не Алексей, и я видела в его взгляде что-то чужое несмотря на то, что синеватая глаз была все той же безукоризненной, той, в которой можно было утонуть, захлебнуться!

— О! Аннушка, — девушки одна за другой встали, и потянулись ко мне. Кто-то обнял, а кто-то просто взял за руку и не отпускал, мял, гладил по пальцам, словно пытаясь вернуть некогда хорошую дружбу, или словно скучал без меня.

— О! Наша победительница, наша валькирия! — в голосе Алексея я не услышала нотки издевательства и снова глянула на него.

— Алексей Петрович, как вы себя чувствуете? — только и нашла что спросить я.

— Великолепно. Болезнь, скорее всего, не успела в меня пробраться так сильно, как в других. Вы вовремя разобрались в этом деле...

— Анна, проходи, — Полина потянула меня за руку, усадила за стол и придвинула миску с остывшей, уже подсохшей сверху кашей, — Расскажи же, как вам удалось разорвать узел? Что разорвало связь с потусторонним? Как ты прекратила процесс заселения бесов? Тринадцать человек полностью обездвижены, и вы с обер-прокурором вдвоем!

И тут я поняла, что они ничего не знают об этом деле. Они не в курсе, что Алексею пришлось умереть ради положительного исхода. Победоносцев не предупредил меня, но он знал, что я разберусь!

«А Варя? Они же здесь с ней! Он сказал, что стражницы занимаются этой мелкой засранкой, возмнившей себя колдуньей» — мысли в голове щелкали, как секундная стрелка в полной тишине.

Глава 3

Поняв, что поговорить с Лукой не получится, я нехотя съела кашу, слушая Алексея и девушек. Они не обсуждали Варвару, а я решила не торопить события. Лука был жив, и сейчас это было главным.

Спала я крепко, только иногда, словно во сне понимая, что окружает полная тишина, просыпалась и прислушивалась. Потом быстро вспоминала, где нахожусь, и засыпала снова.

Утром нас разбудил тот же инок, принесший таз и воду для умывания. Я проводила Катерину в туалет, а потом, вернувшись в келью, попросила ждать здесь. Завтрак я принесла ей сюда же. Она не спрашивала ни о чем, но я объяснила, что в столовой сейчас находятся те самые стражницы, и им не стоит знать о ее природе, да и вообще, им не стоит знать много о чем.

— А Лука? Когда мы поедem к нему? Анечка, он правда жив? Я его совсем не чувствую, — девочка не хныкала, но ее обеспокоенность я чувствовала. Молодец, ведет себя ровно так, как я хотела бы, чтобы вел себя человек, находящийся рядом со мной.

— Правда, Катюша. Ты знаешь, что я не вру, ты это чувствуешь. Но об этом потом. Прошу, позавтракай, и жди меня. Скоро мы поедem домой, — я поцеловала ее в лоб и пошла в столовую. Ели мы с иноками, и разговор вести при них было нельзя. Здешние правила я знала хорошо. Мы и так были здесь чужеродными элементами, а как говорится: «В чужой монастырь со своим уставом не ходят».

Алексей молча, но явно без удовольствия ел полбяную кашу, но взгляд его, скользящий по монахам, выдавал его. Когда мы встретились взглядами, я глазами показала, что зыркать вот так – плохая идея. Он меня понял.

Варвара закончила уже завтракать, когда мы все вошли в келью, где она по всей видимости теперь жила. Заметив меня, она испугалась. Это говорили ее глаза, ее руки, моментально задрожавшие и даже ее поза: она обняла себя, подтянула ноги к животу, и вся будто старалась вжаться в стену.

Стражницы молчали, и я надеялась, что это означало лишь мое право говорить первой. Теперь я понимала, что никто с ней еще не разговаривал.

— Здравствуй, Варя, — тихо сказала я и присела рядом с ней. Крестовская, присоединившаяся к нашему тайному обществу позднее, а позже, открывшаяся для меня с одной очень интересной стороны, даже попыталась поймать меня за руку – не дать приблизиться слишком уж близко. Но я отстранилась, глянув на нее так, что она поняла – все будет хорошо.

— Я не могу пожелать тебе того же, стражница, — слишком уж как-то по-взрослому ответила девочка. — У моего отца больше нет шансов. Он умрет теперь. Больше у меня нет никого. Вообще никого...

— У меня, как и всех здесь, тоже нет больше никого, милая...

— Я тебе не милая! — совершенно не размышляя о своих словах, ответила девочка.

— Это так, но с этим нужно что-то делать. В любом случае, знаешь ли, только ты сейчас определишь свой путь. Только ты решишь – жить тебе в ските, привязанной к кровати, или что-то изменить.

Я услышала, как за моей спиной кашлянула Бесова. Это значило, что жизнь девочки уже определена, и от нее уже ничего не зависит, а я в свою очередь, сейчас даю ей шанс, которого не будет. Обман в нашем деле – это не мелкие хитрости, которыми мы пользуемся при ловле нечисти. С людьми мы обязаны быть честными.

— Как ты смогла все это провернуть? Где ты взяла книги? Кто тебя научил? — выпалила я, понимая, что слишком уж тороплюсь, но знала, что один вопрос – не вопрос. Когда закидываешь человека множеством зацепок, хоть одна в голове формирует ответ и часто мы не можем сдержаться, и отвечаем.

— Ничего не изменится, если я расскажу. Отец умрет. А если он умрет, мне не важно, что со мной будет дальше, — ответила Варя, и я поняла, что она не лукавит, не преувеличивает, и через время не поменяет своего решения.

— А если я помогу твоему отцу остаться живым? — брякнула я и теперь за моей спиной оживились все. Они понимали, что если я не блефую, то должна знать что-то чего не знают они. А это в нашем уютном сообществе стражниц было запрещено. Нет, у каждой были свои методы, свои способы и свои навыки, но такие важные вещи мы просто обязаны были открывать если не друг другу, то обер-прокурору. Мы давали клятву.

Но я нарушила ее, скрыв Луку. Потом Катерина с ее матерью, а теперь и моя маленькая Сирина. Но, что касается слепой девочки, Победоносцев теперь знал о ней. Да, на тему ее дальнейшей жизни мы еще не говорили, но я почему-то была уверена, что мой наставник не заставит изгонять это светлое существо за Предел. Она, скорее, ангел, чем нечисть.

— Живым? — в глазах Варвары колыхнулось пламя. Словно вся жизненная сила, оставшаяся в ней, собралась сейчас в этом взгляде. И я поняла, что она не врет — он и правда слишком много значит для нее.

— Если я попробую помочь? Если я сама решу эту твою проблему?

— А если у тебя не получится?

— Ну, я могу пообещать, что сделаю для этого все возможное, — совершенно честно пообещала я.

— Ты уже сделала все, что могла, стражница. Это был единственный вариант. Вылечить его нельзя, это уже совершенно точно, а вот вернуть к жизни можно было только так, — огонь надежды покинул ее взгляд, и она снова замкнулась, но потом резко глянула на Алексея.

В какие-то секунды я поняла, что именно Лука занял то самое место, приготовленное для ее отца, ворвался в это сильное молодое тело, как пассажир в отходящий поезд, и отталкивающий больного старика, еле-еле успевшего подбежать к подножке, и уже занесшего ногу на ступень. Еще шаг — и он спасен. Но...

— Теперь я буду говорить с ней один. Простите, дамы. Прошу вернуться в столовую, и выпить чая перед отъездом. Анна Львовна, вы позволите уехать с вами. Вы же приехали в карете жандармерии, я понимаю? По дороге мы сможем обсудить это дело еще раз, а стражницы, с которыми, к моей радости, мне удалось познакомиться, думаю, должны вернуться к своим делам. Да, теперь я тоже в курсе деятельности вашего тайного общества, я принес клятву, и буду честно нести это знание в себе, но надеюсь, коли вам понадобится помощь, вы не преминете за нею обратиться. Варвара останется здесь. Келья хорошо защищена от проникновения нечистых... включая даже помыслы, — Алексей хмыкнул, и я услышала в этом звуке тон Луки. На сердце потеплело.

— Да, я подвезу вас, Алексей Петрович, — ответила я и заметила, что девушки переглядываются. Ну и ладно, думайте, что хотите!

— Варя, мое предложение в силе, и ты можешь в любой момент вызвать меня. Но ты должна понимать, что времени не так и много — отец твой в беде. И только ты можешь сделать последний шаг к его возможному выздоровлению. Понимаешь? Его жизнь, вероятно, снова зависит от тебя. каков процент, что у меня получится? Не знаю, но процент твоего чувства вины после его смерти будет высок. Потому что ты человек, а вина — такая штука... как бы тебе объяснить...

— Все, я прошу вас покинуть келью, дамы. Мне нужно половину часа, а вы за это время можете собраться. Спасибо вам за помощь, а вам, Анна Львовна, особенная благодарность, — Алексей быстро поклонился, осмотрев нас и постучал в дверь. Она открылась, и мы, одна за другой, тихо вышли. Я, перед тем как иннок закрыл дверь, глянула на Варю. Та метала взгляд то на Алексея, то на меня. Вовремя он нас всех выпроводил. Похоже, девчонка или начала догадываться, или увидела даже в том ночном хаосе, что случилось нечто из ряда вон выходя-

щее: мужчина умер, а потом восстал из мертвых. Потому что человек, лежавший сутки назад с клинком в сердце не может сейчас вот так расхаживать по ее камере, и так бодро радоваться новым знакомствам.

Глава 4

Снег, выпавший вчера, оказалось, уже растаял, но морозец, охвативший нас с Катериной, был совсем не утренний, а настоящий, крепкий, который не развеется под первыми лучами солнца. Зима все же вступала в свои права.

Я тяжело вздохнула, вспомнив о том, что нам с моей девочкой пора прикупить одежду. Проблема заключалась в том, что все деньги сейчас были у Степаниды, и я даже предположить не могла – какая это сумма, и достаточно ли ее на ближайшее время.

Я поняла только в карете, что Лука тянул время, чтобы стражницы отбыли первыми. Я посидела с ними какое-то время еще за чаем – травяным ароматным настоем с медом, пахнущим летом.

Ведовская, долго присматривающаяся ко мне, медленно и тягуче сказала:

— Не отказывайся от помощи. Понимаю, что нам проще по одному, но все же... дело общее делаем.

— Не откажусь, если будет что-то сложное. Просто... я не очень общительна, — с улыбкой ответила я.

— А девочка, что с тобой? — совершенно неожиданно спросила Бесова.

— Она в келье. Незачем ей всех вас знать, да и вообще... вопросы лишние, которых можно избежать, я обычно избегаю. Сирота, а у меня детей..., — мы не могли говорить со стражницами о нашем прошлом, и я не смогла бы сказать об отсутствии детей в моем прошлом, и пришлось говорить, как и всегда, в настоящем времени, — у меня детей нет. Прижилась как-то, да и заботиться есть о ком. Видимо, материнский инстинкт, черт его подери.

— Ты здесь особо о чертях не вспоминай, а то настоятель и так косо на нас смотрит, будто это мы сами с огромной радостью здесь... — тоже запнулась Ксения, и я поняла, что она хотела сказать «оказались».

— Простите, сестры, но язык... он ведь без костей. Ну, вы поняли, в общем. Рада вас была видеть. Поезжайте. Дождусь Алексея Петровича и тоже домой, — стараясь изобразить совершенно будничным тоном, сказала я и встала, давая понять, что пора их проводить.

— Трогай, — крикнул запрыгнувший в карету Алексей, и быстро глянув на нас с Катериной, словно расслабился, успокоился.

— Выспалась? — обратился он к Кате и глянул на меня. Скорее всего, понял мой молчаливый вопрос.

— Д-да, Алексей Петрович. Хорошо спала...

— Бесовка в монастырской келье. Чудны дела твои, Господи, - хохотнул он тем самым тоном, который не спутаешь ни с кем.

В первую секунду Катерина зыркнула на меня, не понимая, какого черта следователь знает о ней больше, чем положено, но ухмылка Луки, даже на этом чужом лице будто вернула ее к жизни и она, оттолкнувшись от сиденья и от меня, рванула на противоположную сторону, прямо в объятия того, с кем ругалась и спорила, кого с ее слов, ненавидела больше всех.

— Лука-ааааа, — в голосе, сначала взволнованном и обрадованном, оборвавшемся из-за накативших слез и сбитого дыхания было одно – счастье!

— Ты моя коза! Неужто только сейчас поняла? Ну, хватит мочить мне мундир. Видишь, я нонеча при параде. Да и обнять меня теперь можно. Не то что раньше, правда. Единственное, наша Аннушка не похоже, чтобы была радой моему преображению и возможности пощупать милого друга, — нес, как всегда, бред, мой бес, но я не могла ответить. Даже дышать не могла ровно, потому что на сердце разлилась радость. Откуда бы ей быть в таком количестве и плотности, что легкие все заняла, вместо воздуха, я не понимала, но радость эту можно было

черпать ковшами, укладывать в банки и закрывать впрок на зиму, чтобы в случае отчаяния, или навалившейся хандры, вскрывать вечерами, и есть ложкой, как варенье из морошки.

— Почему я тебя не чувствую. Даже рядом не чувствую, — все еще всхлипывая, спросила девочка, усевшаяся на колени к Луке и обнявшая его руками за шею так, что тот еле мог поднять на меня глаза.

— Ой, душа моя, Катерина, прости, не знаю, как ты по-батюшке, но многое переменялось. Часть из этих перемен я могу объяснить, что и собираюсь сделать это по приезду домой...

— «Домой» у вас, Алексей Петрович, теперь в другом направлении. Комната, данная вам жандармерией, — не упустила я возможности опустить его с неба на землю.

— ... а часть я и сам не понимаю, и собираюсь в этом разобраться, как можно скорее, иначе, казусов не избежать, — словно не слыша мою подковырку, продолжил Лука.

Я порадовалась, что со мной была Катерина. Потому что не могла ничего дельного спросить и сказать, не могла ровно дышать и вовсе не понимала, как удобоваримо сложить слова в предложения этих самых вопросов.

К дому мы подъехали почти в темноте. Я попросила везти нас в Дубовую рощу. Там была еда, приготовленная нашей экономкой, и, надеюсь, сама хранительница нашего домашнего очага. Хоть бы ее еще не стукнул удар от потери наших с Катериной душ на целые сутки! Она у нас мастер придумать беду, раскрутить ее на максимум, нареветься, получить при этом чуть ли не insult, а потом замахиваться полотенцем, бегая за Катериной по дому, как молодуха.

— Ляксе́й Петрович, а вас куда-же? На квартиру? — помогая выйти нам с Катей, спросил возница — один из жандармов, которого я часто видела с Алексеем.

— Поезжай, Митрий. Нам надо с Анной Львовной еще поговорить. Сам уеду. У них выезд имеется. Думаю, она не против будет, если воспользуюсь, — привычным, спокойным и даже бесцветным тоном Алексея ответил Лука. Я отметила, что он прекрасно играет офицера. И голос, и даже вот это его ничего не выражающее, отрешенное выражение лица. Лука с его вечными ужимками, активной жестикуляцией и великолепной актерской игрой в этом теле, уверена, чувствовал себя, будто замурованный в стене, когда приходилось играть Алексея.

— Поторопи Степаниду удалиться, душа моя, — шепотом попросил Лука, когда заметил нашу экономку, бегущую от порога с уже слышными и вполне разборчивыми причитаниями на тему нашей бессердечности.

— Еще чего, Алексей Петрович? Может вам и ванну набрать? Рога подточить?

— Рогов у меня и раньше не было, и уж тем более сейчас. Где это видано, чтобы сам следователь, дворянин, старший сын из известного московского рода Добролюбовых жил с рогами? Нонсенс! Газеты бы с моего рождения только об этом и писали, и жил бы я, скорее всего, в том самом ските, из которого, слава небу, мы уехали. А вот ванна. Это вы просто в точку. Говорю же — пронизательнейшая женщина вы, мудрая, совершенная... лучшая!

— Рот закрой, герой угодник! И не якай. Это не твой род. Твой род — неблагополучная чета чертей. Сидят, наверное, сейчас на завалинке в какой-нибудь деревушке в Аду, и жалеют, что не приспали тебя в младенчестве. Род у него... ага..., — прошипела я. А когдаглянула на мужчину, лицо его было убедительно Алексеевым.

— Попрошу-ууу, — начал было Лука, не умея останавливаться в наших пикировках, чем, к моему стыду, мне особенно и нравился, но я хотела оставить все это на потом, и получить хорошую порцию наших споров тет-а-тет.

— Степанида, мы так устали, что твои слова сейчас только отнимут у нас силы. Прости, сообщить не могли. Веди нас к столу, подавай что есть, а потом иди отдыхать. Нам надо поговорить с Алексеем Петровичем.

— Катерину... Катерину-т дайте уложу. Девка вон... глаза красные, губы белые...

— Да, должно быть наоборот, — не смог промолчать бес, и я незаметно дала щелбана его белокурому затылку.

Мне придется привыкать к этим переменам. А сейчас я хотела одного – узнать, что произошло. Как он оказался в теле Алексея, и что теперь будет с Лукой, вернее, с нашим с ним взаимодействием.

Глава 5

После продолжительного спора на тему сна Катерины, Степанида сдалась на мою волю. Девчонка все никак не хотела уходить в комнату. Но и экономка, уже заметно окрепшая в своем новом амплуа, кажется, делала вид, что не слышала намеков на ее удаление хотя бы из столовой.

— Ага, оставит она вас с Алексеем наедине, — с ухмылкой прошептала Катюша, когда Стеша ушла в кухню за очередной переменной блюд. Мы уже поели щи с кислой капустой, потом закусили сухариками с паштетом из печени каких-то птичек, название которых я пропустила. Сейчас нас ждали пирожки и запеченное в вине мясо.

— Да, милая Анна, придется тебе завести себе наперсницу – этакую совершенно глупую, желательно слепую, и обязательно глухую. Да, она может быть зрячей, даже лучше если зрячая, потому что, — уже разглагольствовал Лука, опрокинув второй штоф с наливкой из малины.

— Ну сколько можно, а? — успела я перебить его ровно в тот момент, когда Степанида вошла в столовую с исходящим паром и ароматами такого букета мясом, что все съеденное мною, кажется растворилось в желудке, уступая место новым блюдам.

Чревоугодие никогда не было моим любимым грехом, но проживая с Лукой, да еще и обретя такую штуковину, как «Узда Асмодея», пьющую из меня силы поболее, чем стресс и тяжелая работа, еда стала моим фетишем.

Мясо мы ели молча, и, кажется, урча, как голодные коты, и это умиляло Степаниду до слез.

— Алексей Петрович я тут краем уха услышала, что и вы той самой заразой переболели, — осторожно спросила Степанида.

— Ага, и он, вроде, до сих пор еще не долечился. Видишь, бледный, как чахоточный, — забыв, что с Алексеем таким тоном говорить она ни за что бы не стала, выпалила Катерина. А поняв свою ошибку, вылипила зеленые глаза, зыркнула на Алексея и продолжила: — простите, Алексей Петрович, Бога ради простите вырвалось непотребное. Но вы ведь в карете говорили, что чувствуете себя еще не совсем уж здоровым

— Ничего, девочка, я знаю, что ты переживала за меня, так что, — Алексей улыбнулся, протянул руку и погладил Катерину по голове.

— Не дело девке с улицы с господами за столом восседать. Дай мне волю, Анна Львовна, я ее приструню, а кое-где бы даже тумачу ей надавала, — не упустила шанса высказать свои познания в педагогическом ремесле Степанида.

— Мы устали сегодня, Стеша, — начала я специально очень мягко, чтобы дать понять, что диалог завершен. — Иди, мы с Алексеем поговорим. Борис потом отвезет его на квартиру.

— Я тут вот посижу, у двери, — не сдавалась женщина, яро блюдя мое честное, хотя так себе у меня было с репутацией, имя.

— Нет! Мы будем говорить о деле, которое тебе знать нельзя! — уже добавив стали в голос, резко ответила я. При этом наблюдала, как экономка, взяв стул, присела у распахнутых дверей.

— Мне отсюда ничего не услышать, хозяйка. Да и девчонку раз оставили, то и я

— Кому говорю, быстро из столовой! И Степанида, и Катерина! Двери закрыть! — Рывнула я и свела брови. При этом, стукнула ладонью по столу так, что приборы подпрыгнули и звякнули.

Степаниду сдуло, как ураганом. А Катя, глянув на меня и убедившись, что я не шучу, медленно, словно боясь хоть чуточку колыхнуть воздух, отодвинула стул и вышла, закрыв за собой двери.

— Грубо, Анна Львовна, но готов признать, что эффективно! Вы, наконец, поняли, что слуги, это не друзья, это не семья, — резюмировал Лука, и я кинула на него полный усталости, и одновременно злости взгляд.

— Хороший совет. Думаю, со своим родовым проклятьем мне тоже нужно поступать именно так! — я выдохнула и отпила из бокала воду. Потом вспомнила о наливке, сама взяла графин, налила в лафитник до самого края и выпила залпом. В груди загорело, но до состояния покоя нужно было еще какое-то время.

И Лука молчал, понимая, что сейчас мне нужна именно тишина. Я же молча разглядывала мужчину, совершенно не обращая внимания на его недоуменный взгляд.

Алексей – тонкий, аристократичный, с чертами, которые хочется увековечить, или хотя бы запомнить, в то же время был прямым, твердым, как гранит.

Сегодняшний Алексей, чье тело обживал мой бес, обладал каким-то беспардонным изяществом, тонкой лиричной патетикой. Словно из красивой прозы кто-то безумно гениальный создал стихотворение с совершенными рифмами.

Светлые волосы его лежали в причёске безупречно, словно он не трясся вместе со мной почти весь день в карете, в позе его превалировало что-то от кошачьих. Пластичность каждого движения не могла быть такой идеальной. Только после длительных репетиций, вероятно, подобного добивались хорошие актеры. И я даже не упоминаю изящества в каждом его шаге и в каждом повороте головы.

— Как ты это сделал? — откашлявшись, спросила я. Наливка только-только развязала узлы моих нервов, и начала отпускать скованные многодневной паникой мышцы.

Лука заметно расслабился, выдохнул, а потом, будто вспомнив, кто он на самом деле, грациозно потянулся к штофу, долил себе и мне наливку, указательным пальцем придвинул рюмку ко мне, и хмыкнув, передразнил меня:

— «Как», — в голосе его прорезались те самые, любимые мной, и в то же время ненавидимые когда-то саркастичные нотки. — Тебе лекцию по метафизике или краткий пересказ для идейных бессребреников? Ваш любимый следователь ко времени моего прибытия был уже совершенно пуст. Как вот этот штоф, Анна. — Он постучал по пузатому графину идеальным, будто только с маникюра, ногтем. — Душа покидает землю, это ваше обетованное, безопасное, не будь вы сами дураками, место, не на девятый, и не на сороковой день после смерти. Она покидает колыбель человечества еще до того, как тело остынет, душа моя. Я не мог оставить столь великолепный сосуд пустым. А теперь, думаю, даже сама Смерть с трудом разберет: где заканчивается Алексей, а где начинается Лука! Теперь я – его душа, Анна. И мне показалось, что ты безмерно горевала о нем, когда вы решились и сделали то, что я тебе подсказал

— Подсказал? — не поняв, о чем это он, переспросила я.

— Та мысль в твоей голове. Та самая идея, которая возникла: убить одного из тринадцати, чтобы сломать, разрушить в корне обряд.

— Так это ты?

— Да, моя милая, добрая, доверчивая Анна, — в голосе его я попыталась найти что-то похожее на желание возвыситься, но он звучал в привычной интонации моего Луки, словно терпеливый и безгранично любящий учитель объясняет несмышленому ученику тему, которой владеет в совершенстве.

— Достаточно о высоком. Расскажи мне, как ты вернулся? Расскажи о Пределе, о том, что ты узнал там, — я отгоняла от себя мысли, что все могло пойти иначе, а еще, я не хотела, чтобы бес чувствовал мое настроение и мои страхи. Достаточно уже было и того, что он озвучил.

— Думаешь, меня не было несколько дней? А вот и нет. Там время течет иначе, там нет солнца и нет смены погоды, нет зимы или лета. Время там окружает тебя сразу. Всё! По ощущениям, это лет десять, не меньше! Ты не спишь, и в то же время, все происходит будто

во сне. Мне пришлось скитаться по руинам смыслов прежде, чем я смог понять язык Предела. Странно, что раньше я и не обращал на него внимания.

— Но теперь ты его знаешь? Что было в той книге? — я не выдержала, и перебила Луку. Умел он растянуть весь этот пафос, и даже по делу говорил исключительно витиевато.

— Да, теперь я знаю этот древний язык! Я могу расшифровать сейчас любой древний заговор. Правда, цена оказалась высокой — я с трудом успел. Когда я стремился к тебе через разрыв, уже понимал, как выстраивается ритуал. Эта девочка — сильная колдунья! Нужна была кровь первенцев. Тринадцать душ должны были оставить тела именно в момент, когда в них приходили демоны — ни секундой раньше! Доктор должен был занять тело Алексея — это сделка. Я кричал тебе в самое сердце, Анна.

— А ты как ты смог попасть в уже мертвое тело? — не укладывалось у меня в голое.

— Тогда я был не демоном, как они, Аннушка. Тогда я был бесом

— «Тогда»? — что-то кольнуло внутри, и по спине поползли мурашки.

— Об этом позже так вот Чтобы мне вернуться, пришлось дожидаться этого ритуала. Иначе я не смог бы! — Он говорил медленно, с расстановками, словно давал мне возможность принять все услышанное. Я вспомнила тот момент: мысль в голове, казавшаяся моей, твердая уверенность в ее правильности. Неужели мой бес может влиять на меня?

— Значит, ты пришел сквозь этот открывшийся портал?

— Именно. Он был очень узким, и демоны занимали его полностью, — Лука не смотрел на меня, он рассматривал линии на ладонях Алексея, водил по ним пальцем и хмыкал про себя. — Это односторонняя дорога. Дорога из небытия в плоть. А я не мог вернуться этим путём как дух, как бес. Я бы просто развеялся. Надежда была только на тебя.

Я понимала, что Лука не запланировал смерть Алексея, чтобы стать им. В любом случае, он умер бы, как и остальные двенадцать человек. Он просто пожертвовал собой — такова была цена, но сейчас я слышала в голосе Луки вину?

— Не мучай свой великолепный мозг, душа моя, и не морщи лоб! Я вошел в это тело, как в холодный, навсегда оставленный хозяевами дом. И с этого момента я не бес. Теперь я демон, обретший плоть, Анна Львовна, и должен в этом признаться. Но, как бы мне не хотелось умолчать, обязан тебя огорчить, — очередная мхатовская пауза чуть не докончила меня, но Лука, чувствуя, что пора ее заканчивать, продолжил: — наши узы так же крепки, как и раньше! Я не просто завязан на тебе, но, как и прежде, чихнуть не могу без твоего негласного разрешения! А еще, я не сумею развернуть свою жизнь по своей прихоти, сделать ее вольготнее, легче. И я все еще не имею права жрать людишек когда захочу, — словно читая мои мысли, закончил Лука.

— Значит, ты все еще..

— Да, твой верный слуга, но запертый теперь в клетке из мяса, костей и кожи.

У меня поплыло перед глазами, и я закрыла глаза, чувствуя, как по щеке катится слеза. Он вернулся. Что бы там ни сидело внутри Алексея, это был мой Лука. И нам предстояло учиться жить с тем, что есть.

— Значит, вы теперь — одно целое? — спросила я. — Как сиамские близнецы?

— Какое грубое, но точное сравнение, — Лука отвесил мне шутливый поклон, не вставая с места.

— Значит, Лука, теперь тебе нужно либо уходить со службы, либо продолжать работу Алексея. Стать Добролюбовым

— А судьба — коварная девица, правда? Лиходеева и Добролюбов! Лихо и добро в одной связке, причем, лихо у нас — человек, а добро — демон. Думаю, стоит написать книгу с этими фамилиями.

— Ты понимаешь, что это непросто? Следовательно, это

— Это красивая форма, стать и внимание девиц, а еще, это какая-никакая власть, душенька! Демоны ох как падки до власти

— Это работа. Это отчеты, допросы и законы. Ты не знаешь стратегии этой
Лука рассмеялся так чисто и залиvisto, что зазвенел хрусталь.

— Радость моя, о человеческих пороках я знаю так много, что вам со всем вашим Управ-
лением, и даже Управлением управлениями и не снилось! Допросы – это же пир для моего
истинного начала! — Он вдруг замолчал, прислушиваясь. Плавным, почти нечеловеческим
движением он вернул бокал на стол и принял идеально-учтивую позу.

Через секунду в дверь осторожно поскреблись.

— Прости, матушка, — голос Степаниды из-за двери звучал виновато, и кажется, она
планировала даже лебезить, — далеко за полночь, Борис ждет, Алексея Петровича свезти.
Неприлично это, простите, но неприлично!

— Ты права, что-то мы заболтались. Пора Алексею Петровичу в его уютное «гнез-
дышко», пора! — я встала, и как только голова Степаниды пропала за дверью, Лука сказал:

— Ты ведь очень боялась, что я не вернусь? — а в синих, словно озера под ясным небом,
глазах плеснули всполохи рыжего огня.

Глава 6

Утро, наконец, не пугало очередным днем, полным мыслей и забот. Проснувшись я с улыбкой, и порадовалась, что мы этот дом выиграли. В отличие от квартиры, здесь не слышна была перепалка экономки с Катериной, а они, уверена, не могли иначе начать свой день. Девочка просыпалась рано, и всегда голодной. Степанида в это время уже шумела в кухне, и под их пикировки мне приходилось пить кофе.

Но это утро было прекрасным: снежная кисея за окном мягко укрывала землю белым, природа, и кажется, весь наш дом, замерли в ожидании следующего сезона.

— Яйцо бы сначала выкушали, Анна Львовна. Вы своим этим черным кофею всю кожу себе испортите. Читала на днях в газете, что от него возможно потемнение, — не упустила возможности поучить меня Степанида, как только я взялась за кофейник.

— Потемнение возможно у тебя в голове, Степанида, потому что читаешь ты до сих пор по слогам. Это же надо до почтенного возраста дожить, и все еще: «гы-мы-вы», — вполне умело подражая голосу экономки ответила Катерина.

— Так, сегодня споров не будет, — прервала еще не начавшийся, но уже распалеймый обоими сторонами пожар. — У нас дел сегодня – вагон и маленькая тележка.

— Я с вами, Анна Львовна! — нет, Катерина не спрашивала, она констатировала факт.

— Да, со мной, потому что зима уже здесь, а у нас с тобой пальтишки на «рыбьем» меху. Стеша, милая, ты скажи мне, каков наш запас в шкапулке? — уточнила я, боясь услышать, что там пусто.

— Так дно уже виднеется. Правда, если вы шубы не вздумаете брать в красных рядах, то вполне уложите. А ремонт этот ваш непонятный, и вовсе можно отменить. Зачем придумали такое? Где это видано, чтобы гостиную отделяли? Чего вы там в ней прятать станете? — Стеша иногда забывалась, и кроме советов начинала прям-таки управлять нашими жизнями, но со мной эти повороты не работали больше. я вполне усвоила, что слуги должны знать место. Да, взаимная приязнь – хорошая штука, но когда садятся на шею, да еще и погоняют

А потом я вспомнила господина ротмистра, которого выгораживала перед Победоносцевым. А тот явно что-то нарыл в его бумагах, особенно в тех, где прописано мое содержание.

— Мы с тобой, Катерина, сначала к Глебу Ивановичу заглянем.

— А чего это вы к нему зачастили, да и он сюда? — прищурившись, спросила Степанида, не дав нам договорить.

— А того, Стеша. Я бы могла ответить, что, мол, не твое – собачье дело, но я женщина приличная, и подобных слов не говорю даже своим экономкам. Поэтому, давай-ка обозначим границы, и не станем особенно проникать в жизни друг друга! — с улыбкой ответила я.

Стеша покраснела, потом побелела, и как-то совершенно неожиданно для меня, заревела навзрыд.

Катя за секунду оказалась рядом с ней, обняла и принялась уговаривать ту не реветь. А я так и замерла с открытым ртом: это моя Катерина, которая экономке никакого спуска не дает? Да чего вообще творится в моем доме?

— Так я я это ведь все я не для себя, не для зла вам говорю это ведь чтобы вашу репутацию спасти-иии, — выла Степанида.

— Чтобы мою репутацию спасти, найди мне компаньонку. Женщину лет тридцати, из бедной, но приличной семьи, не болтливую, и, желательно, с минимальным количеством подруг. А еще, хорошо, если она глуховата. Ты знаешь, что Глеб Иванович – мой дядя

— Не дядя он вам, Анна Львовна. Мне-то хоть не лгите! Я все про него вызнала. У него только и есть, что тетка престарелая в Москве. И та бездетна.

У меня аж дыхание сперло от таких вот признаний! Это я, получается, не тех использую в деле сыска? У меня под боком проживает целая Миссис Марпл, а я беса гоняю за слухами!

— Степанида, он мой крестный. Родители мои рано умерли, а он поддерживал. А ты знаешь, что я любопытна, как никто, и нравится мне помогать ему в расследованиях

— Это я уже уяснила, — всхлипывания стали тише. Видимо, мой сменившийся тон дал ей понять, что бояться больше нечего, а может она просто нащупывала границы, до какой можно черты дойти.

— Ну так в этом все и дело. Неужто ты думаешь, что я в невесты к нему набиваюсь? — я вышла из-за стола, и дала понять тем самым, что разговор окончен.

— Да какие невесты, матушка лишь бы не в содержанки! Говорят, он сейчас очень ухаживает за графинюшкой как же еерод какой-то не нашинский.

— Целая графинюшка? — я даже остановилась.

— Ну, она вдова, только не его возраста тоже. Лет на двадцать, а то и тридцать, помоложе. Говорят, жена какого-то золотодобытчика с Урала. Сама-то она графского рода, а вот муж-то был богат, да безфамилен.

Мы вышли из дома, и наш личный извозчик уже ждал с теплой рухлядью, чтобы прикрыть нам ноги. Морозец, хоть еще и не зимний, легкий, но крепчал, кажется, да и ветра здешние градусов на десять понижали ощущение температуры.

Возле Управления, как всегда, царил суета. И как только я вышла из кареты, вспомнила, что Лука опять над ухом не жужжит пчелой, как почуяла его. по спине пробежал холодок, и я поняла, что и он знает, что я здесь. И что теперь? Только вот на таком расстоянии мне его слышать?

Алексей вышел встречать нас на лестницу. Он стоял на втором этаже, прижавшись спиной к перилам, скрестив руки на груди, этакий хозяин жизни, и чуть ли не начальник всего этого заведения. Так и можно было подумать. Белоснежная сорочка под мундиром, локоны, словно уложены хорошим мастером, белозубая улыбка. Ну, где тут прежнему Алексею с его потерянными, вечно каким-то загнанным взглядом?

— Анна Львовна, честь имею, — он, кажется, даже каблуками щелкнул.

— Имеешь, имеешь, вредитель роду человеческому. Где Глеб Иваныч?

— У себя, совершенно не в настроении, но я чуточку ему добавил радости – привел мужика, которого они искали три месяца. Представляешь, душа моя, воровал у господ. Сам кучером трудится, а пьяных привозит не к адресу, что господа скажут, а в один притончик. А там их и обдирали до нитки в подворотне. А последний

— Лука, я понимаю, что у тебя первый рабочий день, и ты пытаешься хоть как-то отработать жалованье, но мне пока не до твоих бандитов, друг мой, — шепотом перебила его я и отворила дверь в кабинет ротмистра без стука.

— Анна, тебя стучать не учили? — грозный голос моего руководства заставил намылившуюся-было Катерину пойти следом за мной, но она предпочла шагнуть обратно через порог и закрыть дверь.

— Глеб Иваныч, меня много чему учили, в том числе и «стучать». Только вот я же старого воспитания, понимаете? И начальству сдавать своих не привыкла. Поэтому, давайте сразу, с порога, так сказать, этот вопрос с вами решим. Оплатите мне все, что недодали, и расскажите о планах на ближайшие дни. А то мне ремонт пора в доме делать. Знаете ли, стиль совсем не мой в нем, чувствую себя навроде графини без денег, которой приходится цепляться за любого, кто обеспечит ее хоть мало-мальски, — голос мой лил елей, а лицо Панфилова медленно стекало к подбородку.

— Сядь! — собравшись, приказал он, и отвел глаза, ковыряясь в ящике стола. — Дам пока пятьдесят рублей!

— Что значит «пока»?

— То и значит. Денег нету!

— Нету слова «Нету», ротмистр, — я встала, тяжело вздохнув, и прихватив конверт, пошла к двери. — Поеду, значит, к Константину Петровичу. В долг буду просить.

— Стой! — гаркнул мой начальник сорвавшимся на визг голосом и стукнул кулаком по столу. — Ты меня без ножа режешь, Аня! Прямо вот стамеской мне в самое сердце тычешь и тычешь, понимаешь?

— Тупой?

— Чаво? — не поняв, о чем я, переспросил ротмистр.

— Ну, тупой что ли стамеской? А то они тоже, знаете, вполне себе холодное оружие. Один раз можно только тыкнуть.

— Ты надо мной измываться вздумала? — встал раскрасневшийся начальник и вперил в меня свой ледяной взгляд.

— А вы со мной поделитесь, ротмистр, деньги мои на что идут? Ежели на содержание барышни, это еще куда ни шло, а вот ежели вы играть в казино приистрастились, то я и сама бы их спустила. Поэтому, чистосердечное ваше очень повлияет на мое сегодняшнее расписание. Ну так что? — я взялась за ручку двери и уже было отвернулась, как он завопил:

— Так все, винюсь я перед вами. Вам же и жилье, и на пропитание давали, и одёжи вон сколько. Да, присваивал, да, грешен, да ведь вам, молодой девчонке, много ли надо?

— Графине поболее требуется? Вы, полагаю, у меня даже не половину «отщипывали», а две трети, а может и побольше? Так ведь? Как ворочать будете, любезный? — голос мой уже источал власть и что-то похожее на опеку. Да, он теперь от меня зависел, как несмышленный мальчишка. Тут за растраты и присвоение государственного не гладили по голове, ее отправляли в места не особо жаркие. Да, вместе с телом, но радости эта целостность организма не прибавляла его обладателям.

Панфилов грохнулся в кресло и обмякнув в нем, зажал голову руками. Он затрясся весь, будто в параличи, а потом я услышала его рев.

Нет, успокаивать его я не спешила. Пусть представит себе, что его ждет. А вот когда наревется, пусть сам предлагает — как нам этот вопрос решить.

А вот после этого я и выясню у своего демона, как мы будем жить дальше. Хмыкнув, я принялась изошренно вертеть на языке словосочетание, пришедшее в этот момент в мою голову.

«Демоны госпожи Лиходеевой»!

Так и представляется любовный роман со множеством пикантностей, который женщины читают исключительно в одиночестве. Эх, пропадает такое название!

Глава 7

Мы с Катериной решили, что шиковать не станем, и отправились не на Невский с его витринами, а на Сенной рынок. Там, среди тряпья и совершенно непотребной одежды можно было найти и что-то вполне сносное. Богатые нищают, продают свои хорошие вещи, есть люди, которые перекупают их. Купчихи любят рынок не зря!

Сенной рынок встретил многоголосым гулом. Здесь жизнь кипела, бурлила и частенько пыталась обсчитать. Мы пробирались сквозь ряды, где на вешалках раскачивались тяжелые суконные пальто и лисьи горжетки, выглядевшие так, будто лисы умерли своей смертью.

— Подходи, красавицы! — заголосил дородный торговец с красным лицом, перегородив нам путь. — Извольте взглянуть: шубка — чистый соболь! Купчиха из Твери заложила, от сердца отрываю! мех мягкий, теплая — в мороз на снегу спать можно!

Он ловко выхватил с вешалки темно-коричневую шубейку и с размаху накинул её мне на плечи. Вещь действительно выглядела недурно: густой мех, добротный покроем. Я уже была готова спросить цену, прикидывая в уме, сколько останется после визита к Глебу Ивановичу, как Катерина вдруг шагнула вперед. Она не стала трогать мех. Она просто посмотрела на продавца своим странным, «прозрачным» взглядом, от которого у обывателей обычно начинали чесаться лопатки.

— Соболев, говорите? — тихо произнесла Катя, и в её голосе прорезался холод. — А чего же этот соболев так странно пахнет пережженной шерстью и старым клеем?

Торговец побледнел, но не сдался:

— Помилуйте, барышня! Это благовония складские! Чтобы моль, упаси боже, не позарилась!

Катерина подошла вплотную, протянула руку и, не глядя, ткнула пальцем в район правой лопатки, подкладка которой была аккуратно подшита шелковой нитью.

— А заплатку размером с мою ладонь вы тоже благовониями заложили? — спросила она, глядя прямо в глаза мужику. — Там под шелком — дыра. И мех набран из объедков, которые даже на воротник не годятся.

Продавец сглотнул. Его наглая уверенность испарилась, как спирт на огне. Он быстро стащил шубу с моих плеч и начал озираться, словно ища кого-то, кто объяснил бы ему, откуда эта соплюха знает вещи, которые даже опытный глаз не увидит?

— Ну может, и есть недочет, — пробормотал он. — Так я же цену скину! Почти даром отдам!

— Пойдем, Катенька, — я взяла её за локоть. — Здесь нам ловить нечего, кроме насморка. — А ты как это вот

— Вижу скрытое? Так это все бесы легко могут. Не чистый бес, но что-то иногда будто вспыхивает. А потом принимаю уже это за свое. Как зрение и слух. Будто тайное видение. Поняла? — Она склонила голову и прищурила глаз.

— Нет, не совсем поняла. То есть, это вот все неожиданно? Не по твоей прихоти? Вот сейчас, допустим Ты вранье раньше уже вскрывала так скоро?

— Да, и теперь легко могу на вранье поймать. Степанида наша, было дело, таскала домой сестре своей нашу снедь. Специально много готовила, чтобы нам не съесть

— Ну, ее ты уже отчитала, да и дело благое, там ведь дети малые

— Ага, и мужик пьющий, которого на работу не выгонишь. А чего ему работать, раз еду в дом несут. Правильно?

— Ладно, а вот сейчас, можешь на любого глянуть, и сказать, что скрываешь? — спросила я с надеждой. Не было у меня до этого момента времени, да и основания расспрашивать девочку. И не знала, что кроме того, что бесов видит, есть у нее какие-то еще умения.

— Если нас они не касаются, не слышу. Но ведь любого можно вывести, Анна Львовна. Он потом, думая о тебе, вплетает в мысли и свои настоящие желания.

— А меня? Мои мысли ты читаешь?

— Слышу, когда они меня касаются. Знала, что комнату Луки мне хотела отдать, и в то же время его жалела. Мне одно только не понятно – ты его почему так опекаешь? Он же сильнее тебя, старше, умнее. А ведешь себя с ним, как с мальчишкой больным

У меня вдруг в голове щелкнуло, да так щелкнуло, что я встала перед большой лавкой ростовщика. И когда уже Катерина туда вошла, а за ней следом еще пяток человек, я стояла и думала о своем отношении к бесу.

Ведь и правда, опекала его, умилялась его кривляниями. Это ведь мне не свойственно с мужчинами вовсе! И поняла: это он себя так вел, чтобы мне проще было, или вводил в заблуждение, чтобы с меня побольше взять. Чего? Да тех же прав для себя! Ну, держись, гастарбайтер адов.

Если в себе напрочь закрыть совесть, когда войдешь к ростовщику, то можно одеться неприлично шикарно. А когда Катерина намекнула, что вот этот, с виду совершенно несчастный и нищий плюгавенький мужичонка тот еще рвач, и готов с нас три шкуры содрать, я без раздумий согласилась использовать Катюшино умение. Жаль Луки не было. Хорошо бы внушить ростовщику немного страха божьего.

Мутоновая шубка для моей девчонки и каракулевая для меня обошлись недешево, но вид имели настолько пристойный, что я не стала долго торговаться.

— Неужели он с нами жить не будет? В свою эту квартиру переедет, мундир нацепит и забудет нас? — спросила Катерина, когда мы, уже утепленные уселись в свою личную карету. Что ни говори, а удобства это добавляло. Борис – наш кучер, даже ноги нам накрывал, когда усаживал. Хозяйки, знаете ли. Упаси Бог, заболеют!

— Катя, ты же сама его на дух не выносила! Помнишь, как ты из-за комнаты на него шипела? Как называла «хвостатым недоразумением»?

Катерина фыркнула и отвернулась к окну, разглядывая проплывающие мимо дома.

— Ну это же как игра была. Вроде как со старшим братом ругаться. На самом деле, я ведь лучше него никого не знаю. Кто меня еще за косички дергать будет и правду в глаза говорить, когда я вредничаю? Без него в доме станет слишком по-человечески. Скучно.

— Не бойся, — я погладила её по руке. — Лука докричался до меня из самого Предела не для того, чтобы теперь играть в благородного холостяка. Он завязан на меня сильнее, чем прежде. Хотя теперь он называет себя демоном, я всё еще чувствую нашу связь. Это не разорвать.

Катя облегченно выдохнула, но тут же нахмурилась:

— Демон Это значит, он теперь еще вреднее станет? И аппетиты у него вырастут?

— Сказал, что людей без моего разрешения есть не будет, — я грустно усмехнулась. Повезло ему с местом работы – там грехов, хоть в бочки соли.

Когда мы входили в подъезд нашего петербургского доходного дома, две дамы в необъятных капорах синхронно замолчали. На нас уставились четыре глаза, в которых неодобрения было больше, чем уксуса в дешевом трактире. Катя, шедшая за мной, вдруг хихикнула и дернула плечиком.

— Думают, барыня, что ты их мужей сманивать приехала, — шепнула она, когда мы миновали лестничный пролет. — Вон как косятся. Прямо как на мою матушку покойную в лучшие её годы. О ней ведь тоже всякое шептали, мол, телом зарабатывала, да не абы как, а с огоньком. Я замерла на ступеньках, сурово глянув на девочку.

— Катя, прошу тебя, оставь это. Не стоит так о матери, даже если... даже если всё так и было. Не суди её.

— Да я и не сужу, Анна Львовна, — Катя пожала плечами с такой философичностью, что мне стало не по себе. — Её жизнь — её дело. Кому-то грехи в тягость, а кому-то в приданое. Я просто говорю: рожи у них скучные, вот они и злятся.

Дома было прохладно. Мы сварили кофе, аромат которого немного разогнал холод зимнего дня. Я только успела отхлебнуть обжигающую жидкость из тонкой чашки, как по позвоночнику пробежала знакомая искра. Воздух в прихожей будто уплотнился.

— Приехал, — выдохнула я, глядя на Катю. Дверь отворилась. В квартиру вошел Алексей Петрович Добролюбов, старший следователь Его Императорского Величества жандармского управления. Шинель сидела на нем безупречно, аристократическая бледность в холодном свете дня казалась фарфоровой. Он небрежно бросил фуражку на комод и, даже не снимая перчаток, обвел нас насмешливым взглядом.

— Весь Петербург обсуждает падение курса рубля, а мои дамы, судя по запаху, решили вложиться в стратегический запас нафталина? — Лука скривил губы в своей фирменной ухмылке. — Анна Львовна, ну каракуль? Серьезно? Соболь так и просился к твоим глазам, а ты выбрала шкуру унылого барашка. Экономишь на имидже будущей королевы — воина, огнедышащего дракона, линчующего нечисть?

Катерина надулась, а я почувствовала, как рука сама тянется к тяжелому подсвечнику. Видеть в привычном, добром лице Алексея Петровича эту бесовскую спесь было невыносимо.

— Если ты сейчас же не прекратишь паясничать, — процедила я, — этот «барашек» станет последним, что ты увидишь в этом теле.

Он расхохотался — легко, беззаботно, и в этом смехе было столько жизни, сколько настоящий Добролюбов не выказывал за годы службы.

— О, я вижу, настрой у вас боевой. Хотите меня побить? Позвольте, я сам этим займусь, — он театрально замахнулся рукой на самого себя, — но боюсь, Управление не оценит фингалов под глазами у своего ценного сотрудника.

Минут через десять, когда Катя ушла на кухню разбирать закупки, мы присели в гостиной.

— Послушай меня, — я вцепилась в рукав его мундира. — Ты теперь в Управлении. Ты лицо власти. Пожалуйста, не делай ничего, что привлечет к тебе внимание. Глеб Иванович и так на нервах. Если ты начнешь ходить сквозь стены на глазах у писарей или заставишь чернильницы летать...

Лука перехватил мою, изображающую его полеты руку. Его ладонь была теплой, человеческой, но хватка — стальной. Янтарный огонек в голубых глазах вспыхнул и погас.

— Анна Львовна, душа моя, неужели ты думаешь, что я настолько глуп? Я десять лет просидел в сером ничто, мечтая о чашке кофе и хорошей драке. Я не подведу тебя. Я буду идеальным следователем: проницательным, скучным и смертельно учитывим.

Я посмотрела на него — на этого высокого, красивого мужчину, который двигался с изяществом пантеры и говорил голосом беса.

— Зачем? — сорвалось у меня с губ. — Зачем все это время ты притворялся передо мной шутом? Почему позволял мне относиться к тебе, как к непутевому мальчишке, как к слуге?

Лука медленно отпустил мою руку и улыбнулся — на этот раз без сарказма, почти печально.

— Потому что на тот момент, Анечка, тебе не нужен был кто-то сильный рядом. Тебе не нужен был ровный по уму собеседник. Ты была напугана, ты только открывала в себе дар. Если бы к тебе пришла сущность, которая умнее тебя, опаснее и древнее... ты бы сбежала. Ты бы не взяла меня к себе, побоялась бы потерять контроль. Тебе нужен был паяц. Вот я им и был. — Он подошел к окну и заложил руки за спину, глядя на серые крыши Петербурга. — Теперь всё иначе. Кроме того, что я так же не могу жрать людишек без твоего разрешения — ритуал завязал нас слишком крепко. Я не смогу навредить тебе, не смогу тронуть твоих близ-

ких. Моя воля — это твоя воля, хоть я и буду бесконечно на это жаловаться. Я демон, Анна. Твой личный демон с государственным окладом. Разве не об этом мечтает каждая порядочная женщина? — Он обернулся, и на его лице снова сияла маска Добролюбова — безупречного офицера. — А теперь вели подавать обед. В Управлении сегодня привезли мелкого воришку с Фонтанки, допрос был утомительным, и я зверски проголодался. Надеюсь, Степанида не положила в котлеты слишком много чеснока? Следовательно это не к лицу.

— «Вели подавать»? — недовольный голосок Катерины, накрывающей на стол, окончательно вернул мне ощущение, что в этом доме, не смотря на перемены, все останется так же. И это меня безмерно радовало.

Глава 8

— Ты понимаешь, что это катастрофа? — Лука мерил шагами гостиную, и его идеально начищенные сапоги скрипели в такт его негодованию. — Комната офицера, Анна! Пять квадратов уныния, запах прелого сукна и вид на глухую стену прачечной. Там даже нет приличного зеркала, в котором я мог бы

— Любоваться своим новым, на редкость удачным лицом? — вставила я и засмеялась. Лука осклабился и чертыхнувшись, продолжил:

— И самое неприятное: я не могу остаться здесь. Общество, видите ли, не одобрит, если старший следователь будет ночевать у вдовы без кольца на пальце. Да и Катерина — он глянул в сторону кухни, где девочка мыла сейчас посуду после нашего ужина.

Я сидела в кресле, наблюдая за тем, как этот «страдалец» картинно заламывает руки.

— Тебе ли, бесу, переживать о репутации? Еще вчера ты был облаком дыма, которому закон не писан.

— Вот именно! — он резко остановился. — Раньше я был свободным художником эфира, а теперь я заперт в этом кожаном мешке с костями. Мне нужно мыться, есть эту вашу ужасную овсянку, чтобы пищеварение работало, как надо, и, что самое постыдное, соблюдать приличия. Кстати, о приличиях. Победоносцев сегодня официально ввел меня в курс дел стражниц. Теперь я старший следователь по «особым поручениям». Буду твоим официальным куратором, Анна Львовна.

Я замерла. Чашка в моих руках звякнула о блюдце.

— Что? Он окончательно лишился рассудка? И ты молчал об этом полчаса, жалуясь на зеркала и прачечную?!

— Ну, — Лука пожал плечами с тем невыносимым изяществом, которое теперь стало его подписью, — мне казалось, отсутствие комфорта в моей новой берлоге — проблема куда более экзистенциальная. Но если тебе так угодно. Да, теперь я в законе. И официально — твой непосредственный начальник! Будем ловить моих «коллег» вместе. Под моим управлением! Знаешь, есть в этом особый шик: охотиться на нечисть, будучи самым зубастым её представителем в этом городе.

Я отправила его восвояси, чувствуя, как голова пухнет от новостей. Это значило, что Лука теперь подчиняется ротмистру, а я Луке! Бесу! Ну, ладно, он уже целый демон, но это мой личный демон! И, кроме прочих представлений, мне на людях придется играть роль послушной помощницы?

Вечером мы с Катей вернулись в «Дубы». За ужином Степанида, разливая чай, начала издали — с погоды, плавно переходя на то, как «Алексей Петрович нынче переменялся».

— Вы уж простите, Анна Львовна, — Степанида поджала губы, старательно не глядя мне в глаза, — но люди-то вот-вот заговорят. Офицер молодой, красивый, а вы женщина вольная. Только лишь о вашей репутации пекусь, матушка. Негоже ему так часто у нас бывать без ясной цели.

— Степанида, — я отложила салфетку, и голос мой приобрел стальные нотки, — моя репутация — это моя забота. А твоя — чтобы пироги не подгорали. Не лезь не в свои дела, если не хочешь, чтобы я начала интересоваться твоими.

Вопрос, как мне показалось, решился, и мне было плевать на то, что женщина уже поджала губы и собиралась обидеться. Слишком много стало у меня начальников. И дело, мне кажется, не в окружающих меня людях, а во мне лично!

Утром, по дороге в Управление, я ехала одна. Карету потряхивало, и я неожиданно для себя зажмурилась, пытаясь нащупать старую связь. Раньше Лука был как зуд под кожей, как

постоянный сквозняк в мыслях. Сейчас там было тихо но как-то иначе. Я сосредоточилась, пытаюсь «переключить канал», будто подстраивала чувствительные весы.

«Где ты, демон?» — мысленно позвала я. Ответ пришел не сразу, но, когда пришел, я едва не подпрыгнула на сиденье. Голос Луки прозвучал в сознании мягко, но отчетливо, с легким оттенком официального занудства.

«Пытаюсь понять, почему ваш казенный кофе на вкус напоминает жженую подошву, душа моя. Но, оказывается, он здесь есть! Наш Глеб Иванович и его включает в расходы на содержание вашей «банды Стражниц»! Ты уже подъезжаешь? Поспеши. Ротмистр мечет икру в своем кабинете — у нас новое дело. И да, мне официально разрешено тебя сопровождать. Не забудь сделать серьезное и подобострастное лицо».

В Управлении, как всегда, пахло бумагой и дешевым табаком, но сейчас этот привычный уже запах содержал еще что-то. Я принялась снова — после мороза запахи в натопленном помещении раскладывались на составляющие очень легко, но вот этот новый то ли цветы, то ли пудра. Нежный, тонкий, но в то же время обволакивающий.

Ротмистр встретил меня так, будто я была его последним шансом на спасение. Лука сидел в его кабинете и холодное, сосредоточенное лицо выражало лишь вовлеченность в суть вопроса.

— О! Прибыли? Как ночевали? Выспались? — начал было он с ехидства, но выражение моего лица заставило остановиться. — Послушайте, это уже ни в какие ворота! — он швырнул на стол папку. — В Петербурге пропадают невесты. Прямо из-под венца! Гости отворачиваются на секунду, а невесты и след простыл. И ладно бы одна, уже третья за неделю! И все в одной церкви. Поп уже проситься снять сан, мол, церковь явно нечиста!

— И вы решили отдать это нам? — я подняла бровь. — Раньше вы такие дела списывали на «побег с любовником».

— Любовники не проходят сквозь запертые двери церквей, Анна Львовна, а двери в момент священного действия закрыты, — буркнул ротмистр, косясь на Алексея-Луку, который стоял у окна с таким невозмутимым видом, будто всю жизнь только и делал, что охранял моральный облик империи.

Мы отправились к старой церкви на окраине, где происходили исчезновения. В подвалах было сыро и пахло кислым. Лука поводил носом, потом присмотрелся к углам, копнул носом сапога покрытую тонкой наледью землю.

— Игоша, Анна Львовна, извольте познакомиться!

— Что? — не понимая, о чем он, переспросила я.

— Здесь Игоша живет. Давно. Но он недавно понял, что можно вот так набираться силёнок. И он уже не просто мелкая пакость, это квинтэссенция нереализованных надежд и чистой, концентрированной обиды, — Лука прислонился к холодной каменной стене церковного подвала, брезгливо оглядывая плесень. — В былые времена ими становились некрещеные младенцы или те, кто умер, так и не успев вдохнуть жизнь. Но наш экземпляр посolidнее. — Он брезгливо поправил воротник шинели, будто, и правда, чувствовал проникающий за него холод и сырость. — Этот Игоша — существо домашнее, безрукое и безногое в своем истинном облике, но с аппетитом, которому позавидует стадо чертей. Он ведь не просто убивает невест. Он коллекционирует их «сияние». Знаешь, этот момент, когда девушка стоит у алтаря, вся такая белая, пушистая и полная надежд на светлое будущее с каким-нибудь штабс-капитаном? В этот миг её душа светится, как как звезда в момент взрыва. Игоша поглощает это свечение, превращая невест в пустые, серые оболочки, а их души замуровывает в стены своего логова. Для него это вроде гербария. Красиво, молчаливо и не требует кормежки.

Я поежилась. Тень от моей лампы металась по заложенным кирпичом нишам.

— И как нам его выкурить?

— Он боится собственной неполноценности, — Лука вдруг хищно улынулся. — Игоша страшно хочет стать «настоящим». Если я смогу подобраться к нему поближе, я объясню ему, что быть материальным — это не только привилегия жрать суп, но еще и боль, холод и прочие прелести. Ну, или просто гляну на него, ну как минимум! — с апломбом заявил Лука и шагнул к стене.

Видимо, забыв о своем новом весе и плотности, решил сократить путь и, не заметив впереди замурованный проем, за которым и я начала ощущать присутствие чего-то, он уверенно направился вперед, намереваясь просочиться сквозь кирпич.

Раздался сочный «бум!». Старший следователь Добролюбов с тихим рычанием отлетел назад, прижимая ладонь ко лбу. Кирпичная кладка даже не шелохнулась.

— Проклятая материя! — прошипел он, потирая наливающееся багровым пятно над бровью. — Анна, это унижительно. Я только что потерпел поражение в схватке со стеной. Мой мозг, — он сделал паузу, — вернее, мозг этого славного малого, которого я занимаю, сейчас совершает попытку эвакуации через затылок.

— Зато теперь мы точно знаем, что ты здесь всерьез и надолго, — я не смогла сдерживать едкой ухмылки, наблюдая за его страданиями. — Раньше ты проходил сквозь стены как нож сквозь масло, а теперь ты — просто очень самоуверенный мужчина с шишкой на лбу. Ты можешь выйти из него? Ну, попробовать?

Лука замер. Его взгляд стал отстраненным. Я видела, как он напрягся, как побелели костяшки пальцев. Секунда, две, три... Воздух вокруг него начал слегка вибрировать, марево исказило черты лица Алексея, но... ничего не произошло. Лука шумно выдохнул, и его плечи опали.

— Нет, — коротко бросил он, и в голосе впервые промелькнула настоящая тревога, скрытая за маской раздражения. — Я заперт. Портал в Пределе сработал как ловушка для крыс: вход рубль, выход — только вперед ногами. Я не просто в теле, Анна. Я приварен к этим нервным окончаниям. Похоже, нам придется мириться друг с другом в режиме «полного контакта» до самого гроба. Либо моего, либо этого почтенного Алексея Петровича.

Он обернулся к замурованной нише, и в его глазах снова вспыхнул злой, демонический огонь.

— Ну что ж, раз я не могу пройти сквозь стену, значит, мне придется её сломать. Готовься, мелкий бес, следователь Добролюбов сегодня в крайне скверном расположении духа.

Я не знала, что ответить. Мы стояли в полумраке подземелья, и я впервые подумала о том, что эта сделка могла оказаться ловушкой не только для Алексея, но и для самого Луки. А еще, мне очень не нравились ограничения, которые получил демон. Какой он к черту демон, если ничего сейчас не может?

Глава 9

Пыль в подвале стояла такая, что её можно было резать ножом. Лука, сбросив новенькую шинель прямо на грязный пол, с каким-то нечеловеческим остервенением орудовал тяжелым железным ломом. Каждый удар по кладке отзывался гулким эхом и летел в моё сердце. Глядя на его напряжённую спину и капли пота, бегущие по шее, я чувствовала почти физическую горечь. Он был похож на запертого в клетку льва, который пытается прогрызть прутья зубами, зная, что раньше мог просто превратиться в солнечный луч.

Старший следователь Добролюбов, герой и жандарм, в этот момент выглядел жалко в своём человеческом бессилии. Стены, возведенные на совесть, были скреплены не только раствором, но и магией Игоши, а железо — это просто железо.

— Хватит, — тихо сказала я, но он не услышал. — Лука, прекрати это!

Он обернулся, и я увидела в его глазах такую бездонную, черную тоску, что у меня перехватило дыхание. Это не был гнев — это было осознание инвалидности. Великий демон, знаток древних языков, махал железкой, как пьяный грузчик на Сенной.

— Я должен достать эту тварь, Анна, — прохрипел он голосом Алексея. — Я чувствую, как он там хихикает. Он знает, что я теперь... плотный.

И тут во мне что-то щелкнуло. Я вспомнила наш разговор, его слова о том, что он всё ещё привязан ко мне, что он — мой демон, а не просто постоялец в чужой плоти. Если я его хозяйка, если связь не разорвана, то правила устанавливаю я, а не физика этого мира.

— Лука, — я сделала шаг вперед, выпрямляя спину, и мой голос зазвучал так, как звучит сталь, ударяющая о гранит. — Слушай мою команду. Покинь тело Алексея. Прямо сейчас. Но сделай это так, чтобы сосуд остался цел, и ты смог вернуться. Это приказ, Лука!

Лом с оглушительным звоном выпал из его рук. Алексей замер. На секунду его глаза вспыхнули нестерпимым, раскаленным янтарным светом, а потом тело вдруг обмякло и рухнуло на землю, как пустой мундир, сброшенный с плеч. Я вскрикнула, бросаясь к нему, но замерла на полпути.

Над простертым на камнях Алексеем поднималось марево. Оно соткалось из теней, холодного света и снова в нос ударил привычный уже запах. Через мгновение передо мной стоял он. Тот самый Лука — высокий, темноволосый, в какой-то совершенно нелепой одежде с золотой вышивкой, с той самой невыносимой ухмылкой, которую не смог бы воспроизвести ни один живой человек. Он посмотрел на свои руки, которые теперь снова состояли из эфира, коснулся своего лица и вдруг расхохотался. Это был звук разбивающегося льда.

— О небо! О бездна! — он закружился вокруг меня, поднимая вихрь из вековой пыли. — Ты чувствуешь это, Анна? Я не вешу ни грамма! Я снова вижу структуру камня, я слышу, как дрожит страх этого мелкого недоноска за стеной. Я... я свободен! Я могу влететь в это подземелье и вывернуть его наизнанку! Анна Львовна, ты гений! Нет, ты — божественное провидение в каракулевой шубе!

Он подлетел к стене, коснулся её пальцем, и тот прошел сквозь кирпич, как сквозь дым. Лука выглядел абсолютно счастливым, если демоны вообще способны на это чувство. Но тут он внезапно замер. Его прозрачная фигура слегка потускнела.

— Подожди, — он медленно повернулся ко мне, и радость на его лице сменилась гримасой глубокого разочарования. — Я ведь пытался. Минуту назад я пытался выйти сам. Я тужился так, что у этого несчастного следователя едва не лопнули сосуды в глазах. И ничего. А стоило тебе приказать...

Он опустился на землю рядом с неподвижным телом Алексея и посмотрел на него со смесью безразличия и жалости.

— Вот тебе на, — пробормотал он, и в голосе снова прорезался привычный сарказм, но теперь с привкусом горечи. — Значит, пути управления всё-таки у тебя. Я — как породистая собака на очень длинном поводке. Пока хозяйка не скажет «гуляй», я буду вынужден покорно носить эти тесные сапоги и страдать от насморка. Это унижительно, Анна. Моя демоническая гордость сейчас рыдает в углу. Я — великая сила, запертая на ключ, который висит у тебя на шее.

— Зато ты снова можешь проходить сквозь стены, — заметила я, стараясь скрыть облегчение. — Разве это не стоит того, чтобы иногда слушаться?

— Прекрасный компромисс, — буркнул он, снова поднимаясь в воздух. — Быть свободным только по расписанию. Ладно, пойду напугаю нашего коллекционера невест до икоты. А ты присмотри за моим «пальто», чтобы крысы не погрызли, пока я занимаюсь делом.

Лука исчез за каменной кладкой так стремительно, словно его втянуло туда сквозняком. Секунду стояла звенящая тишина, нарушаемая лишь редким дыханием лежащего у моих ног Алексея, а затем из-за стены донесся звук, от которого кровь заледенела бы и у покойника. Это был не крик, а надрывный, захлебывающийся плач существа, которое никогда не знало ласки и теперь захлебывалось в собственной желчи.

— Выходи, недотыкомка! — пророкотал из пустоты голос Луки, и в нем было столько первородной мощи, что штукатурка посыпалась с потолка. Кирпичи в центре заложенной ниши вдруг вздулись, пошли пузырями, и сквозь них, выдавливаясь, как гной из раны, полезло оно. Зрелище было омерзительным: жирное, серо-коричневое облако плоти, лишенное конечностей, напоминающее гигантскую, облезлую личинку с лицом обиженного младенца-переростка. Игоша скулил, извиваясь в воздухе, а за ним, сверкая янтарными всполохами, парил Лука, буквально выталкивая тварь в доступную мне часть подвала.

Я не стала терять ни секунды. Носок моего сапога привычно подцепил упавшую на него узду — мой верный артефакт, пахнувший воздухом после грозы и сталью. Взметнув её в воздух, я наотмашь хлестнула по смрадному облаку.

— В Предел, выкормыш тьмы! К тем, кто тебя породил!

Узда вспыхнула ослепительным белым светом. Те самые лучи, что выходили из магических подвязок, впились в жирную тушу Игоши, как раскаленные прутья. Тварь завизжала так, что у меня заложило уши, и начала стремительно сжиматься, превращаясь в черную точку. Мгновение — и в подвале остался лишь запах горелой шерсти и затихающее эхо из бездны.

Я задумалась о том, что чувствуют сейчас служки, ожидающие нас на улице. Там крик этого существа, я уверена, тоже был слышен.

— Анна... — голос Луки прозвучал глухо и как-то рвано. — Прикажи мне вернуться. Скорее!

Я обернулась. Довольная улыбка сползла с моего лица. Мой бес, только что выглядевший триумфатором, теперь буквально распадался на глазах. Его прозрачный контур кривился, идя рябью, как отражение в возмущенной воде, а в центре его груди разверзалась серая дыра, тянущая в себя остатки его сущности.

— Вернись в тело! Живо! — выкрикнула я, вкладывая в слова всю свою волю. — Лука, вернись в Алексея!

Тело на полу дернулось, словно от удара током, и издало глубокий, судорожный вдох. Алексей — или тот, кто им теперь был — сел, хватаясь за сердце. Его лицо было бледнее известки.

— Что это было? — я тяжело опустилась на какой-то ящик, чувствуя, как мелко дрожат колени. — Ты чуть не исчез.

— Я не знаю... — Алексей потер виски, и его ладони заметно подрагивали. — Стоило мне оказаться вне плоти, как я почувствовал чудовищную тягу. Словно Предел признал меня своим и решил взыскать долги. Меня затягивало назад, в ту серую кашу, Анна.

— Значит, узда теперь действует на тебя так? — я поспешила убрать артефакт, чувствуя, как силы покидают и меня. — Ее магия для тебя яд?

— Нет, — он угрюмо покачал головой, поднимаясь на ноги. — Дело не в твоих побрякушках. Просто, кажется, я больше не могу долго находиться вне этого... мяса. Я либо слишком «пророс» в Алексея, либо это условие моего возвращения. Кажется, я смог возвратиться только благодаря устроенному этой мелкой колдуньей обряду. Без своего нынешнего тела я для этого мира — просто бесхозный кусок эфира, подлежащий немедленной утилизации.

Он оглядел свой когда-то безупречный мундир, теперь покрытый густым слоем подвальной грязи, известки и жирных пятен, оставшихся от Игоши. Его лицо исказилось в гримасе крайнего отвращения.

— Посмотри на это, Анна Львовна. Взгляни на это торжество неопрятности. Я пришел сюда как старший следователь, а выгляжу так, будто меня протащили за лошадьё по всей Лиговке. И самое отвратительное — я чувствую эту грязь каждой порой! Раньше я бы просто стряхнул её вместе с формой, а теперь мне нужно мыло, горячая вода и, боюсь, литра три святой воды, чтобы отмыть это унижение. Он подошел ко мне, и, несмотря на свой плачевный вид, его движения сохранили ту пугающую уверенность, что всегда меня завораживала. Лука рывком поднял меня за локоть, заставив встать.

— Что ты творишь? — недовольно выкрикнула я, чувствуя, что голова кружится все сильнее и сильнее.

— Идем. Ты бледная как смерть, и у тебя руки ледяные. Если ты сейчас упадешь в обморок, мне придется нести тебя на глазах у этих святош, а я в таком виде не готов к публичным выступлениям.

Мы вышли на улицу. Служители церкви, теснясь у входа, порывались что-то спросить, но один взгляд «следователя Добролюбова» — холодный, лишенный всякого человеческого сочувствия — заставил их буквально вжаться в стены.

Лука, не проронив ни слова, довел меня до кареты и почти забросил внутрь.

— В ресторан «Палкин», — бросил он кучеру, захлопывая дверь с такой силой, что экипаж качнулся. — И гони так, будто за нами все черти гонятся. — Он уселся напротив, брезгливо отряхивая рукав, и добавил, уже глядя мне в глаза: — Ты должна поесть, Анна. Я вижу, что теперь, с моей выемкой из тела и возвращением его обратно, ты сильнее слабеешь. И мне тоже нужно что-нибудь... существенное. Раз уж я заперт в этом чревоугодном теле, я намерен кормить его лучшим, что есть в этом Богом забытом городе. И не смей спорить. Сегодня платит казна... или ротмистр. Он еще не знает об этом, но он платит!

— Нам предстоит еще многое выяснить, Лука.

— О чем это ты?

— О наших с тобой возможностях! — с трудом ответила я, стараясь не потерять сознание.

Глава 10

Ресторан «Палкинъ» с его чинными швейцарами, аккуратными и быстрыми, как молния официантами и поднимающимся к потолку табачным дымом, выбран был Лукой совершенно обоснованно: дорого, аляповато, а самое главное – вкусно! Демон, в своем заляпанном извеще, но все еще внушительном мундире, шел впереди, и половые расступались перед ним, как перед айсбергом. Я едва поспевала, чувствуя, как каракулевая шубка становится неподъемной от усталости.

— Мясa! С кровью! И побольше, — бросил он официанту, даже не открывая меню. — И бутылку красного. Самого терпкого, что у вас есть. Чтобы даже мертвого проняло.

Когда перед нами появилось сочное жаркое и бокалы наполнились густым, как бычья кровь, вином, я почувствовала, что жизнь начинает возвращаться в мое измученное тело. Лука же, отпив глоток, скривился так, словно ему подали микстуру от кашля.

— Это возмутительно, Анна Львовна, — прошипел он, разглядывая бокал на свет. — Вино, признаю, вполне себе. Букет, танины, послевкусие... всё на месте. Но этот мой новый «мешок с костями» совершенно не умеет пить! Стоило мне сделать пару глотков, как у Алексея Петровича зашумело в ушах, а кончик носа подозрительно зачесался. Демон во мне требует продолжения банкета, а брeнная плоть уже готова петь «Боже, Царя храни» и падать мордой в холодец. Никакой радости от божественного напитка. Чистое мошенничество со стороны мироздания.

— Ешь, «страдалец», — я пододвинула к нему тарелку. — Тебе силы нужны. И не смей хмелеть, у нас еще отчет в Управлении.

Ела я жадно, как голодная кошка с улицы, которой перепала щедрая горсть мясных обрезков. Только не урчала, но это исключительно потому, что была не дома. Даже в какой-то момент начала думать, что бес мой очеловечился, а я, наоборот, видимо, превращаюсь в нечисть самого низкого ранга.

К тому моменту, как мы добрались до набережной Мойки, я окончательно пришла в себя. Но сцена в кабинете ротмистра была сюрреалистичной. Я, потомственная стражница, стояла перед ротмистром и докладывала об изгнании Игоши, а рядом, вальяжно развалившись в кресле, сидел мой карманный демон в облике старшего следователя и одобритeльно кивал. Когда мы наконец вышли в коридор, я схватила Луку за локоть и утянула в нишу между тяжелыми шкафами.

— Скажи мне на милость, что ротмистр знает об этой твоей... метаморфозе? Почему он на тебя смотрит так, будто ты спас всю Империю, а он теперь и не знает, как тебе угодить?

Лука не выдержал и тихо рассмеялся, поправляя портупею.

— Ровным счетом ничего, душа моя. Только Победоносцев в курсе моего «чудесного воскрешения». Но даже Глеб Иванович, при всей его прозорливости, уверен, что Алексей Петрович просто... ну, скажем так, совершил действительный подвиг, и стал единственным, кто не растерялся в той суматохе во время этого нечестивого мероприятия. Он ведь думает, что я, человек совершенно не вовлеченный в вашу эту историю, повел себя героически! А вот то, что вами теперь поставили меня его совершенно не радует, Аннушка. Для него я — кость в горле и лишний свидетель его волокитства.

— Ты наслаждаешься, — констатировала я.

— Обижаешь. Я упиваюсь, — Лука подмигнул мне. — Ну что, поедem в твои «Дубы»? Время едва за обед перевалило. Хочется проверить, что еще может этот мой новый организм, кроме как краснеть от вина.

Усадьба встретила нас тишиной, какая бывает только в старых домах под первым серьезным снегом. Деревья в саду стояли в белых кружевах, и даже старая липа у ворот казалась замерзшим призраком. Внутри было жарко натоплено, и Степанида уже суетилась у стола.

— Настаиваю на проверке твоих способностей, — сказала я, когда мы вошли в гостиную. — Мне нужно знать, на что я могу рассчитывать. Ты — демон, Лука. Ты должен уметь больше, чем просто хлопать дверью.

Лука саркастично ухмыльнулся, бросив взгляд на дверной проем, где замерла Степанида. — О да. Степаниде как раз не хватало летающих кофейников и самопроизвольного возгорания штор для полного счастья.

Обед прошел под аккомпанемент словесных дуэлей. Катерина, сияя глазами, то и дело пыталась подловить Луку на какой-нибудь мелочи:

— А что, Алексей Петрович, — Катя с вызовом посмотрела на него, — говорят, после смерти у людей память отшибает. Вы вот помните, как мы с Лукой в карты на раздевание... то есть, на щелбаны играли?

— Я помню, Катенька, что твои щелбаны были подозрительно похожи на удары кузнечного молота, — парировал Лука, не отрываясь от буженины. — И если ты надеешься, что в этом теле я стал мягче, то спешу тебя разочаровать. Я теперь могу отвечать не только морально, но и вполне физически.

Мы следили за языком при экономке, а Степанида на удивление быстро подала блюда и, не проронив ни слова о «репутации» или «странных гостях», тихо испарилась на кухню. Никаких поучений, никаких вздохов. Она словно почувствовала, что пора сдаваться, но на сколько долго продолжится ее покладистость мне еще предстояло узнать.

— Ну, вижу, ты учишься управляться с прислугой, — заметил Лука, провожая экономку взглядом и наливая себе вторую чашку крепкого чая. — Либо твой авторитет вырос до небес, либо она боится потерять место, или же чует запах серы даже сквозь твои французские духи.

— Все это мы выясним со временем, Алексей Петрович. А сейчас, дайте мне доесть мясо и допить вино, — я уже полностью вернула свои силы, чувствуя, что и мой артефакт на бедрах перестал греться. Мы с ним снова были готова пуститься в бой. Только вот мое душевное равновесие еще не пришло в норму – требовалось выдохнуть.

— Ну что, хозяйка, начнем уже наши «демонские штучки» или тебе требуется еще несколько минут покоя? Я вижу, что силы твои восстановились! — Лука отвалился на спинку стула и смотрел мне прямо в глаза. В белоснежной сорочке он выглядел устало, но изящно, словно главный актер театра, только-только отвесивший последние поклоны на «бис» и вернувшийся в гримерку.

Мне было странно, что он меня торопил. Не я его, как обычно, а он сам! Это говорило о том, что Лука заинтересован в свободе. Да, это я понимала, но в закрытой для него части своего сознания я все же держала мысль об опасности, которую он представляет и для меня, и для всего этого мира.

Демон совершенно к месту попросил Степаниду почистить мундир. И теперь мы были в полной безопасности в нашей большой и теплой столовой за закрытыми дверями.

Катерина время от времени выглядывала в коридор, чтобы проверить – не подслушивает ли наша помощница.

В библиотеке мы планировали закрыться втроем. Да, Катерина была счастлива, что теперь, пока не откроют много лет назад зашитый деревянными панелями выход из библиотеки, ей придется быть с нами, ведь оставить наедине мужчину и женщину – просто дичайшее кощунство. А потом мы просто будем входить в библиотеку втроем, и через переход она должна будет убегать в мою спальню во время наших с Лукой особенно тайных бесед.

Я допила бокал вина, прихваченного нами из ресторана, встала и первой вышла из столовой. Мои помощники пошли следом. Экономка даже не выглянула из своего убежища — комнаты, где теперь проживала.

— Итак, — Лука, затянутый в мундир, вальяжно развалился в кожаном кресле, — мы выяснили, что без твоего приказа я заперт в этом кожаном чемодане наглухо. Печально. Я чувствую себя как джинн, который потерял лампу и вынужден жить в консервной банке. Анна, давай еще раз. Только, умоляю, не так официально. Мы же в домашней обстановке.

— Тебе лишь бы паясничать, — буркнула я, потирая виски. Силы после изгнания Игоши восстановились, но страх за «сосуд» перевешивал. Катя сидела рядом, сжимая в руках тяжелые золотые часы на цепочке. Вид у неё был такой, будто она хронометрирует запуск ракеты на Луну.

— Готова? — спросила я девочку. — Готова, Анечка. Только бы Лука не пострадал, — прошептала Катя.

— Лука, покинь тело Алексея! — скомандовала я.

Снова этот жуткий и одновременно завораживающий момент. Тело следователя Добролюбова внезапно обмякло, голова откинулась на спинку кресла, а изо рта вырвался последний протяжный выдох. Воздух над креслом пошел рябью, и из него соткался Лука — прозрачный, мерцающий.

— О, свобода! — пропел он, кувыркнувшись в воздухе. — Я снова чувствую сквозняки каждой клеткой отсутствующей кожи! Катерина, засекай!

Катя впилась глазами в секундную стрелку. Я же подошла к Алексею. Он выглядел... пугающе. Бледный, холодный. Я приложила два пальца к его шее. Пульс был редким.

— Лука, он почти не дышит, — крикнула я вверх, где мой демон разглядывал лепнину на потолке.

— Ему и не надо, — отозвался он. — Я забрал искру. Пока я снаружи, он — просто мебель. Качественная, дорогая, но мебель. Через три минуты Лука начал идти серыми пятнами. Его лицо исказилось, он потянулся к груди.

— Время! — крикнула Катерина. — Три минуты десять секунд!

— Вернись! — приказала я. Тело в кресле содрогнулось, жадно хватая ртом воздух. Алексей открыл глаза и тут же поморщился.

— Ужасно. Такое чувство, будто меня через соломинку обратно в бутылку запикивают. И я хочу есть. Нет, я хочу ЖРАТЬ. Анна, твои упражнения сжигают калории этого бедного следователя со скоростью пожара в булочной!

Катя сорвалась с места. Через пару минут она примчалась из кухни с приличным ломтем холодного уже мяса. Лука проглотил его, почти не жуя, и вытер рот тыльной стороной ладони.

— И куда делись ваши манеры? — хмыкнула я, подавая Луке салфетку, которую Катерина все еще держала в протянутой к Луке руке.

— Еще раз. Я чувствую, что могу дольше. Нужно приучить этот мир к моему присутствию вне оболочки.

Второй раз он продержался пять минут. Алексей за это время сделал всего три вдоха. Мое сердце каждый раз уходило в пятки — казалось, еще немного, и кровь в жилах следователя просто застынет, превратившись в студень.

— Быстрее! — скомандовал Лука, едва вернувшись во второй раз. — Катя, еды!

Катя снова убежала. На этот раз её не было дольше. Когда она вернулась, я едва не выронила лампу. Девочка несла на фаянсовом блюде нечто кроваво-красное, склизкое и ужасающее.

— Что это?! — вскрикнула я.

— Степанида на завтрашний паштет приготовила, — запыхавшись, ответила Катя. — Говяжья печень. Сырая. Я подумала, так быстрее энергия вернется, она же... ну, кровавая!

Лука посмотрел на поднос с нескрываемым отвращением. — Катерина, душа моя, твоя преданность граничит с садизмом. Ты предлагаешь благородному демону грызть субпродукты на глазах у дамы?

— Ешь! — сурово отрезала Катя. — У тебя глаза уже ввалились.

Лука вздохнул, взял кусок печени двумя пальцами, как будто это был ядовитый паук, и... отправил в рот. Его передернуло, кадык на шее Алексея судорожно дернулся.

— Какой же этот Алексей – слабак, — прошамкал он. — Это тело тошнит от запаха крови. Офицер, мать его! — негодовал Лука, с трудом проглотивший последний кусок. — Анна, в третий раз. Я готов.

В третий раз он пробыл вне тела восемь минут. Эти восемь минут показались мне вечностью. Я стояла над Алексеем, считая секунды между его редкими, поверхностными вздохами. Его кожа приобрела синеватый оттенок.

— Лука, вернись! Хватит! — сорвалась я на крик, когда секундная стрелка пошла на девятый круг.

Когда он снова «включился» в теле, он не шутил. Он долго сидел, низко опустив голову между колен, пытаясь выровнять дыхание.

— Еще бы минута... — прошептал он, — и я бы сорвался в Предел.

— Он почти не дышит, когда тебя нет, — я присела перед ним на корточки, заглядывая в глаза. — Лука, это опасно. Мы можем погубить и тебя, и его.

— Ну, «его» и так больше нет. Есть костюм, без которого я не могу жить. Зато я теперь знаю, — он поднял на меня взгляд, и в нем снова заиграл привычный огонек, — что могу покидать брэнное тело в экстренных случаях. А еще, мы выяснили, что нужна тренировка! Правда, цена этого обучения — крайняя степень истощения и полная тарелка сырых потрохов. Анна, пообещай мне: если я когда-нибудь в этом теле стану травоядным — убей меня сразу. Как можно мужчине быть таким нежным?

— Думаю, я прикончу тебя раньше, чем Алексей умрет от рвоты. Катерина, унеси поднос на место, и признайся Стеше, что скормила печень бродячим собакам, которых пожалела всем сердцем, — пробормотала я, чувствуя, что тоже съела бы пару кусков чего-то кровавого.

— Мы прекрасно поработали, Анна Львовна! Думаю, мне пора откланяться. Жаль, что придется вернуться в свою ужасную квартиру. Может быть, у вас есть какие-то официальные и как бы правильно выразиться человеческие способы «подергать за веревочки» нашего ротмистра? Я хотел бы получить жилье получше или, может быть, вы позволите мне проживать в нашей с вами квартире?

— И я тоже хочу жить в квартире с Лукой! — завопила Катерина.

— Еще чего? Может вам еще и по отдельному дому купить? Кстати по поводу покупок, Лука, придумай, как мы теперь сможем зарабатывать на жизнь! Все, разговор завершен. — Я встала, и хотела-было уже выйти, но обернулась и серьезно сказала: — Лука, я приказываю тебе ни на секунду не покидать тело Алексея без моего приказа!

Алексей закатил глаза и выдохнул, выражая крайнюю степень раздражения. Катерина хихикнула и обняла Алексея, за спиной которого до этого стояла недвижимо и молча.

— Думаешь, я не могу представить, о чем ты сейчас беспокоишься? — почти шепотом спросил Лука.

— Просто я не хочу утром найти в своей съемной квартире хладный труп старшего следователя. Я уверена, вы сейчас именно туда и намылились, полагая, что легко отведете соседям глаза! — я вышла из библиотеки и быстрым шагом пошла в столовую.

Со стола, как я и приказывала, было еще не убрано. Степанида держала слово. Пока.

Глава 11

Утро началось не с луча солнца на подушке и не с бодрящего аромата кофе, а с того, что в мой мозг бесцеремонно постучали изнутри. Причем постучали с той наглостью, с какой судебный пристав стучит в дверь заядлого должника.

— Анна, надеюсь, не разбудил тебя? — вкрадчивый, вибрирующий голос Луки отозвался где-то в районе темени. Я подскочила на кровати, едва не запутавшись в простынях. Осмотрелась — в комнате было серо и пусто. За окном синел ранний рассвет, сонный и холодный. В доме стояла ватная тишина, которая бывает в «Дубах» рано утром, когда даже мыши еще не догрызли свои сухари.

— Какого черта тебе надо?! — прошипела я, не заботясь о том, отвечаю ли я вслух или ментально. Голова тут же отозвалась ноющей болью.

— Я тут подумал — меланхолично начал этот паразит.

— То есть ничего не случилось? — я упала обратно на подушки, закрывая глаза руками. — Мой бес просто решил протестировать мозги Алексея Петровича в режиме «будильник для хозяйки»? Семь утра, Лука! У меня режим. У меня нежные нервы!

— Не ёрничай, дорогая. Я вчера весь вечер хотел спросить, но не решился отвлекать тебя от столь увлекательного научного мероприятия, как опыты над собственным демоном. Знаешь, роль лабораторной мыши в мундире старшего следователя несколько утомляет.

— И это не могло подождать до обеда? — я закуталась в одеяло, пытаюсь сохранить остатки тепла.

— Категорически нет. Я не спал всю ночь. Тело спит, пускает пузыри в подушку — весьма, кстати, достойное зрелище, а я бодрствую. Понимаешь ли, мозг Алексея оказался на редкость вместительным хранилищем для логических цепочек.

— Поздравляю с обретением интеллекта, — съязвила я. — И каков же итог твоих ночных бдений?

— Вчера в жандармерию я лично привез одну тварь. Ну, ту самую, что промышляла кражей младенцев в Охтинском предместье.

— Она из твоих сородичей?

— Нет, душа моя, — в его голосе прорезались ледяные нотки. — Она из твоей породы. Человек. Но такая мразь, что даже в Пределе на нее посмотрят с брезгливостью. И я пришел к выводу, что это существо совершенно недостойно занимать место в нашем уютном подлунном мире.

Я резко села. Сон окончательно смыло волной тревоги.

— Лука, у тебя что, звездная болезнь началась? Или что-то похуже? Ты возомнил себя карающим десницей Господа на государевой службе?

— Анна, я просто думаю, что, если мне продолжить питаться ты ведь понимаешь, о чем я? Силы не должны пропадать даром. Если я поглощу её мерзкую суть, я стану стабильнее.

— Питайся сырой печенкой, Лука! — отрезала я. — Ты был таким очаровательным вчера, когда тебя выворачивало от одного вида заготовки для паштета. Не смей даже думать о «питании» живыми людьми! Любыми. Ты уже демон. И я уверена, что либо мы чего-то не знаем о твоей новой физиологии, либо ты от меня что-то скрываешь. Я приеду в Управление к обеду. Все! Отбой связи!

Я буквально почувствовала, как он в моей голове насмешливо поклонился и исчез. Тяжело вздохнув, я прислушалась — не стоит ли за дверью Степанида с подносом и широко открытыми ушами. Этот дом становился для меня тесным. Слишком много тайн, слишком много лишних свидетелей.

«Надо скорее закончить этот проклятый ремонт, — подумала я, вставая. — Сделать отдельное крыло, перестроить лестницы, чтобы прислуга жила в своем мире, а я — в своем. И желательно с толстой звукоизоляцией между мозгом и демоном».

За завтраком Катерина была неестественно тихой. Она сосредоточенно размазывала джем по тосту, пока я размышляла о том, что девочке пора давать нормальное образование.

— Катя, я тут подумала. Не пора ли нам нанять для тебя учителей? Грамматика, французский, история. Ты уже не маленькая, а знания у тебя лоскутные. Катя вскинула голову, и в её глазах мелькнула молния.

— Зачем мне эти напыщенные дураки, Анечка? Чтобы они рассказывали мне, в каком году какой царь чихнул? Или чтобы французик учил меня выговаривать «р-р-р», глядя на мое деколье?

— Катерина!

— Ну правда! Те знания, что ты мне даешь, и то, что я вижу, узнаю с тобой, стоят сотни их уроков. Благодарительница, конечно, расстроится, если узнает, что я расту «дикаркой», но я не хочу этих чопорных гувернанток. Они же скучные! И наверняка будут много болтать, а нам и без этого тяжело без Луки.

Я вздохнула. Она была права — найти учителя, который не упадет в обморок, увидев, как старший следователь, оставив свое бездыханное тело, проходит сквозь кухонную дверь за пряником, было задачей невыполнимой.

— Ладно, оставим пока это. Но читай больше. И не только тайком и не только мои записи. А вот про деколье ты права: нужно поменять платья, а то ходишь, как оборванка.

— Вообще-то, Анна Львовна, вы взяли ее горничной. Девушка и так избалована стала премного. Уже и за столом с вами сидит, и перечит, — вставила свои «пять копеек» Степанида, вошедшая как раз на тему деколье.

— Вообще-то, Степанида, тебя тоже взяли просто кухаркой, а не советником. Давай я сама буду разбираться с тем, что считаю нужным и важным сейчас, — с улыбкой ответила я и присмотрелась к реакции экономки.

— Конечно, хозяйка. Просто, людям всегда это боком выходит. Делаешь добро, а тебе в ответ ну, вы и без меня все знаете, пограмотнее куда! Я лишь о вас беспокоюсь.

— Спасибо тебе, милая. Только, вот, Катерина, она мне больше воспитанница, чем горничная, но, если ты заметила, она свои обязанности выполняет исправно. А я дома не допущу лоботрясов и лентяев — все должны быть заняты делом! — добавила я и глянула на Стешу так, что она сразу поняла — разговор завершен.

После завтрака я поехала в Управление. Город неохотно, но стабильно засыпало снегом, пахло дымом из труб, ледяным тянуло со стороны залива, но как только я переступила порог жандармерии, мои чувства обострились. Я снова услышала тонкие нотки того самого — нового запаха. Раньше это было просто казенное здание, пахнущее пылью, чернилами и старым деревом. Аромат расцветающих пионов и тончайшей, дорогой женской пудры. Этот аромат пробивался сквозь вонь мужских сапог и дешевого табака канцеляристов, окутывая меня невидимым коконом.

Кабинет Глеба Ивановича всегда казался мне местом, где время застывает, покрываясь слоем пыли и казенного сургуча. Но сегодня здесь пахло теми самыми пионами. Духи?

Ротмистр выглядел паршиво. Он не сидел за столом, а нервно мерил шагами пространство от окна до сейфа.

— Глеб Иванович, давайте без прелюдий, — я опустилась на диван, поправляя подол новой шубки. — Сколько именно должно приходить мне из казны на содержание имения и «специфические расходы»? А то сумма в моей шкатулке, мягко говоря, тает.

Его лицо пошло красными пятнами. Он подошел ко мне почти вплотную, и в его глазах я увидела не ярость, а отчаяние. Ротмистр наклонился так низко, что я почувствовала запах коньяка.

— Анна Львовна, умоляю, тише, — прошептал он, едва не касаясь губами моего уха. — Я всё верну. До копейки. Мне просто нужно еще пару недель. Вы же понимаете обстоятельства жизни в Петербурге подорожала. Идите, прошу. Если будет дело, обязательно отправлю к вам человека!

— Ваша жизнь стала дороже, или жизнь той дамы, которой вы оплачиваете счета в модных лавках? — холодно уточнила я. — Глеб Иванович, воровать у стражницы — это не просто должностное преступление, это плохая примета.

Он хотел что-то ответить, его рука непроизвольно легла на спинку дивана, опасно близко к моему плечу, создавая иллюзию весьма интимной беседы.

И именно в этот момент дверь распахнулась. Без стука. На пороге стояла женщина, при виде которой даже у меня на секунду перехватило дыхание. Черные, как вороново крыло, волосы были уложены в безупречную прическу, выбивающаяся прядь лишь подчеркивала белизну лица. Ей было около тридцати пяти — тот опасный возраст, когда красота расцветает в полную силу, подкрепленная пониманием своей власти. Она была очень похожа на меня. Как старшая сестра!

На ней было платье цвета замерзшей вишни и короткая, ослепительно белая песцовая шубка, наброшенная на плечи. Красавица замерла. Её глаза, темные и блестящие, быстро скользнули по наклонившемуся ко мне ротмистру, по моим новым перчаткам, по приватности нашей позы.

— О — выдохнула она, и этот звук был подобен удару бича. — Оказывается, Глеб Иванович, ваши «государственные дела» требуют исключительной близости к объекту расследования?

— Изольда! Душа моя, это не то, что вы подумали! — Ротмистр отпрянул от меня так резко, будто диван внезапно раскалился.

— Не то?! — Её голос мгновенно взлетел до истерических нот. Она вошла в кабинет, сокрушая всё на своем пути ароматом духов. — Я выхожу всего на пару минут, чтобы отправить девку в ресторацию, дабы заказать нам обед, а застаю сцену из французского романа! Вы, мужчины, все одинаковы. Вы испытываете чувства ко всем женщинам, которые переступают порог этого кабинета! Зачем я здесь? Чтобы быть декорацией к вашим интрижкам с с этими девицами?!

Она указала на меня дрожащим пальцем в шелковой перчатке. Ревность в ней была такой подлинной, такой бурной, что я даже почувствовала мимолетное сочувствие к ротмистру. Изольда Мейзен, а это была она, явно умела устраивать спектакли с размахом. Глеб Иванович, бледный как полотно, бросил на меня умоляющий взгляд. Я молчала, с интересом наблюдая за этой бурей.

— Изольда, — Ротмистр подлетел к ней, пытаясь поймать её руки. — Умоляю! Это это моя племянница! Анна Львовна! Она только приехала из поместья, чтобы навестить дядюшку. Пригласила меня на ужин в воскресенье. Как ты могла подумать?!

Истерика прекратилась мгновенно. Словно кто-то повернул выключатель. Изольда замерла, её грудь еще тяжело вздымалась, но взгляд стал испуганным и виноватым.

— Племянница? — переспросила она тонким голосом.

— Разумеется! — вскричал Глеб Иванович. — Анна, скажи же!

Я медленно кивнула, сохраняя на лице выражение легкого недоумения.

— Совершенно верно. Дядюшка Глеб Иванович помогает мне разобраться с бумагами, да и вообще, давно не был у меня, все только и думает, что о службе.

Изольда вдруг осела на диван рядом со мной, вытаскивая кружевной платочек.

— О боже Анна Львовна, простите меня. Я я совершенно потеряла голову. Глеб Иванович так редко говорит о семье, я и понятия не имела, что у него есть такая великолепная родственница. — Она промокнула уголки глаз, и её лицо снова стало божественно прекрасным. — Мои нервы совсем расстроились в этом Петербурге. На Урале в это время погода уже стоит стабильная, с крепким морозцем и воздух прозрачный без этой мороси, понимаете? Здесь я чувствую себя птицей, которая не смогла улететь на юг, и вот так мокнет, грустит Вы меня простите?

Я выдавила вежливую улыбку, пока ротмистр, суется, подавал ей стакан воды. Наконец, он вывел её из кабинета, нашептывая утешения. Я подошла к окну и увидела, как он галантно усаживает её в карету, целуя её руку с таким верноподданническим видом, что мне стало тошно.

— Видишь, — за моей спиной раздался вкрадчивый голос. Лука неслышно вошел в кабинет. — Ты стала лучше одеваться, и почтенные дамы теперь видят в тебе сильную соперницу. Весьма сомнительный комплимент, но всё же. Заметила, что вы похожи?

— Отстань, — я обернулась. — Какого черта она с ним, Лука? Она же красавица. Глеб Иванович, конечно, человек заслуженный, но

— Она — полный ноль, душа моя, в отличие от тебя! — Лука щелкнул пальцами, усаживаясь на край стола ротмистра. — Тупая и бедная. Кому нужна красивая немолодая женщина в этом городе, если она бедна, как церковная мышь в пост? Это наш ротмистр — дурак, каких поискать. Он грезит о большой любви, а она грезит о новых платьях, которые он оплачивает вероятно, из твоего кармана.

Мы едва успели сменить тему, как Глеб Иванович ворвался обратно. Выглядел он так, будто только что отработал смену на рудниках. Лука, чувствуя момент, быстро отклонялся.

— Ну что, Глеб Иванович? — с ехидством спросила я. — Теперь и вам выгодно иметь племянницу, верно? Спасли свою репутацию?

— Черт бы вас всех подрал! — Ротмистр гневно выплеснул остатки коньяка из рюмки в рот. — Так зачем вы явились? Все вопросы теперь решайте через Алексея Петровича. Содержание получите через неделю. С надбавкой. — Он сердито махнул рукой на дверь.

— Ладно. Надеюсь, сумма меня порадует. Живите пока!

Я вышла из кабинета, чувствуя, как холодный ветер остужает щеки. Нужно было найти Луку. Идея о том, чтобы он питался страхами и сумасшествием человеческих тварей из застенков жандармерии, уже не казалась мне такой безумной. Нам нужны были силы. Нам нужны были деньги.

Глава 12

Лука приехал в «Дубы» ближе к полудню, когда снег начал засыпать дорожки с особым петербургским усердием. Он не зашел, а буквально ввалился в столовую, где мы с Катей заканчивали завтрак, и вид у него был такой, словно ему в жандармерии вместо жалованья выдали пучок сушеной крапивы.

— О, посмотрите на него, — я отставила чашку. — Великий инквизитор прибыл. Что, Лука, мундир жмет или совесть проснулась и начала грызть изнутри?

Алексей Петрович, а в данном случае — его недовольная начинка, молча сел на стул, картинно вытянув ноги.

— Совесть — это человеческая причуда, Анна. У меня её нет по техническим причинам. А вот чувство несправедливости — в избытке. Ты запретила мне питаться душами тех выродков из камер, и теперь я чувствую себя скрипкой Страдивари, которой забивают гвозди. Я слабею, Анна! Мой потенциал сворачивается, как прокисшее молоко. Мы могли бы менять Мир, мы могли бы

— Мы могли бы служить в разведке Ты не слабеешь, ты капризничаешь, — отрезала я. — Я хочу знать, что ты можешь сам, как сущность, а не как паразит, раздувшийся от чужой боли. Что ты скрываешь? Позавчера ты прошел сквозь стену, вчера ты влез в мою голову на рассвете. Что дальше? Начнешь танцевать на шпиле Петропавловки?

Лука саркастично ухмыльнулся, и в глазах Алексея на мгновение блеснуло золото.

— Если бы я знал, дорогая Мои возможности сейчас — это уравнение со многими неизвестными. Но ты права, я чувствую, что во мне зреет нечто новое. И это «новое» очень хочет кушать. Однако, оставим мои диетические предпочтения. Глеб Иванович прислал меня к тебе по делу, так что, закругляйтесь с обедом, барышня! — Он подался вперед, и его голос стал деловым. — Под Петербургом есть одно место загородное поместье «Серебряные пруды». Знать там летом отдыхает, а сейчас господа высокопоставленные чиновники изволили собраться на зимнюю охоту. Но вот незадача: охота не задалась. Двое загонщиков исчезли, а один очень важный статский советник вернулся из леса с расширенными зрачками и седыми висками. Теперь он утверждает, что видел саму Смерть, но с одним нюансом.

Я закатила глаза так сильно, что едва не увидела собственные мысли.

— Опять чиновники? Спорим, они просто перепили хереса и начали палить друг в друга, а теперь списывают всё на лесную нечисть?

— Я тоже так думал, — Лука блеснул зубами. — Поэтому поехал туда с утра, пока ты досматривала сны о новых шляпках. И знаешь что? Там и правда нечисть. Причем такая старая, что от неё за версту несёт подполом. Там живет Лихо.

— Одноглазое? — я не выдержала и рассмеялась. — Лука, ты перечитал сказок Катерине на ночь? Это же мифы! Бабы страшилки для непослушных детей.

— Да-да, — протянул он, вставая. — Как и демоны, как и бесы. Только вот ты с одним из них сейчас беседуешь и моришь его голодом с особым пристрастием. Собирайся, Анна Львовна. Карета подана, а Лихо само себя в Предел не выставит.

У ворот «Серебряных прудов» нас встречал управляющий — здоровенный мужик с кулаками размером с хорошую тыкву, облаченный в тяжелую медвежью шубу. Он смотрел на нас так, словно мы приехали отбирать у него последнее сено.

— Алексей Петрович Добролюбов, старший следователь, — представился Лука, мгновенно принимая вид казенного сухаря. — Гарантирую, любезный, что никакой чертовщины здесь нет. Просто волки обнаглели или дезертиры шалят. Мы сейчас со всем разберемся.

Мужик недоверчиво хмыкнул, переводя взгляд на меня.

— А барыня зачем? Лес — место не для дамских реверансов.

Лука сделал шаг в сторону, представляя меня с таким пафосом, будто я была как минимум английской королевой:

— А это Анна Львовна. Она обладает редким даром. Разговаривает с духами. Если в ваших лесах действительно завелась какая-то дрянь, она её услышит раньше, чем та успеет щелкнуть челюстью.

Управляющий буквально замер, очарованный. Я стояла в своей новой черной шубе, с высокой прической, под которой мерцали изумрудные серьги. Холодный воздух бодрил, и я поймала на себе странный взгляд Луки. Он смотрел не на мои украшения, а на моё лицо. Как только мы вошли в гостевой дом и остались одни в холле, я повернулась к нему:

— Чего пялился, Лука? У меня сажа на носу?

Он усмехнулся, медленно снимая перчатки.

— Нет, душа моя. Ты просто всё лучше и лучше выглядишь. Ты замечала, что твоя кожа стала белее снега? Ты буквально светишься изнутри. Ни одной морщинки, а глаза как настоящие изумруды. Если бы я не знал, что ты человек, я бы решил, что ты начинаешь перерождаться в нечто более долговечное.

Я подошла к зеркалу в золоченой раме. Он был прав. Моё отражение поражало: я выглядела не просто здоровой, а какой-то сверхъестественно живой. Каждое движение было легким, а взгляд — острым.

«Это узда», — подумала я про себя. — «Она берет силы из Предела и кормит меня». Но Луке я этого говорить не стала.

— Поговорим о Лихо, — сменила я тему. — Рассказывай, что ты узнал, пока я «светилась». Лука посерьезнел.

— Лихо — это не просто уродливая баба с одним глазом, как малюют на лубках. Это воплощение лишнего. Лихо — значит лишнее горе, лишняя доля. Оно присасывается к человеку и становится его роком. Помнишь понятия «лишение», «лихорадка»? Это всё её сестры. Она живет на старой мельнице за рекой. Питается страданиями и... ну, плотью тоже не брезгует. Но главное её оружие — это несчастье. Она делает человека «лишним» в этом мире, пока он сам не захочет в петлю лезть. Нашему статскому советнику повезло — он просто поседел, но надо к нему наведаться, а то не ровен час — узнаем, что и он в петлю полез! Загонщикам, вероятно, повезло меньше.

— Конечно, у них ведь в жилах совсем не дворянская кровь. Вот это меня и напрягает, Лукаша

— Не называй меня Лукашей, Анна, иначе, я буду звать тебя Нюркой! — гримаса безразличности на его совершенном лице даже не испортила его, а скорее сделала более реалистичным, человеческим.

Мельница, естественно, имела скрипучие гнилые лопасти — все как в фильмах ужасов, не дать, не взять! А еще, внутри пахло плесенью и застоявшейся водой, хоть на улице и стоял морозец. Снег здесь лежал серыми пластами, будто даже природа брезговала укрывать это место чистотой. Мы вошли внутрь. Там, в полумраке, среди разбитых жерновов, сидело оно.

Оно было огромного роста — если бы Лихо выпрямилось, то пробило бы головой потолок. Худые, костлявые руки с непомерно длинными пальцами перебирали какую-то ветошь. Единственный глаз на сером, иссушенном лице светился тусклым, гниlostным светом.

— Пришл-л-ли — проскрежетало существо. Я вздрогнула. Голос был похож на хруст сухих веток. Это было не просто рычание животного — это была речь, пусть и странная, старославянская, вывернутая наизнанку. — Лишние люди на лишней земле — Лихо повернуло к нам голову. — Зачем мешаете? Я горе собираю-р-раю В мешок кладу Чтобы миру легче было

— Ты не облегчаешь мир, ты его обкрадываешь, — Лука вышел вперед, и его тень на стене внезапно стала втрое больше его самого. — Ты берешь то, что тебе не принадлежит.

Лихо медленно поднялось. Его лохмотья зашелестели.

— Я была всегда-а Когда ваши боги еще в колыбелях спали Я злая доля-я Кто меня прогонит? Ты, бес в чужой шкуре? Или дева с огнем во взгляде?

Мне вдруг стало не по себе. В этом существе не было ярости, в нем была бесконечная, выматывающая тоска. Лихо не выбирало быть злом — оно просто было им, как зима или мор. Мне на мгновение стало его жаль — вечное одиночество, вечный голод по чужим слезам. Но когда оно сделало шаг в сторону Луки, обнажив острые, как бритвы, зубы, жалость улетучилась. Лука рванулся вперед, но Лихо лишь взмахнуло рукой, и воздух вокруг стало тяжелым, как свинец.

— Анна! — крикнул он, борясь с невидимым давлением. — Узда! Сейчас!

Я выхватила узду. Мои руки не дрожали — напротив, я чувствовала прилив такой силы, что, казалось, могла бы свернуть эту мельницу в бараний рог. Узда вспыхнула изумрудным светом, откликаясь на цвет моих глаз.

— В Предел, горе беспросветное! — выкрикнула я.

Лучи света ударили в одноглазое чудовище. Лихо завывало, и в этом вое слышались плачи сотен невест, вдов и сирот. Но оно не исчезало сразу — оно боролось, пытаясь уцепиться когтями за реальность, за несчастье этого мира, которое было его единственной опорой.

— Не-е-ет Куда же без меня-я Как же люди без го-о-оря поймут, что счастливы были-и Возьми меня к себе, барыня, возьми. Служить не стану, а помогать буду. — его голос затихал, пока Лихо окончательно не растворилось в яркой вспышке, оставив после себя лишь горстку серого пепла и тяжелое молчание.

Я опустила руки. Лука подошел ко мне, отряхивая мундир. Он выглядел измотанным, но довольным.

— «Как люди поймут, что были счастливы» Философствующая ветошь, — проворчал он. — Ну что, Анна Львовна, миф изгнан. Поехали требовать с ротмистра премию. И на этот раз, клянусь, мы купим тебе самое дорогое платье в Петербурге. Ты его заслужила.

Я посмотрела на него и улыбнулась. — Платье — это хорошо. Но сначала — обед. И, Лука спасибо, что не полез в драку без предупреждения.

— Я просто берег мундир, — отозвался он с привычным сарказмом. — Чистить его — то еще лихо.

Я подобрала узду и надев ее, поняла, что что-то с ней не так!

Глава 13

Пока я расправлялась с нежнейшей телятиной, принесенной услужливым половым, внутри меня разгорался пожар. И дело было вовсе не в камине, у которого мы сидели, и даже не в остром соусе. Узда, плотно обвивающая бедра под платьем, вела себя как живое, рассерженное существо. Она не просто грелась — она раскалялась. Временами мне казалось, что еще секунда, и по ногам потечет расплавленное золото, прожигая и шелк белья, и кожу.

Я невольно ерзала на стуле, пытаясь сменить позу так, чтобы прикосновение артефакта стало менее болезненным. Лука, до этого сосредоточенно изучавший прозрачность вина в своем бокале, поднял на меня взгляд. Одна его бровь медленно поползла вверх.

— Анна, дорогая, у тебя либо стул с подогревом от самой преисподней, либо ты пытаешься исполнить какой-то экзотический танец, не вставая с места. Тебе не кажется, что для приличного ресторана это выглядит... многообещающе? — В его голосе зазвенел тот самый невыносимый сарказм, который обычно предвещал попытку залезть мне в душу.

Я замерла, стиснув зубы и глядя прямо перед собой. Я чувствовала, как его ментальные щупальца аккуратно, словно кошачьи лапы, ощупывают барьеры моей головы, пытаюсь понять причину моего дискомфорта. Но — о чудо! — я ощутила странную, новую силу. Словно внутри меня захлопнулась стальная дверь. Без моего прямого разрешения он не видел ничего, кроме фасада.

Бес осекся. Впервые на его лице в облике Алексея промелькнуло подлинное недоумение, смешанное со жгучим любопытством.

— Не читай меня, Лука. Не смей, — тихо, но твердо сказала я, отпивая глоток воды. — Давай лучше о деле. У нас в шкапулке скоро мыши начнут есть друг друга. Нам нужны деньги, и много. Содержание «Дубов», Катина учеба, твои желания...

Лука мгновенно переключился. Тема золота всегда бодрила его не хуже свежей крови.

— Если бы кое-кто не изображал из себя святую великомученицу и позволил мне немного поохотиться в камерах жандармерии, я бы уже завтра принес тебе на хвосте вести о всех спрятанных кладах Петербурга, — он закатил глаза. — Раз уж я могу выходить из тела, почему бы нам не вернуться в игорные дома? Ты сидишь с веером, я покидаю Алексея и продолжаю шептать тебе карты игроков. Старо, как мир, но эффективно.

— Нет, — отрезала я. — Алексей. Он слишком беспомощен в этот момент. А если возникнет скандал? Следовательно по особым поручениям, впавший в летаргию над колодой карт? Это фиаско, Лука. Придумай что-то более изящное.

Лука разочарованно вздохнул, подпер голову рукой и несколько минут барабанил пальцами по скатерти. Наконец, его глаза недобро блеснули.

— Ладно, душа моя. Если ты не хочешь обкрадывать дураков, давай обкрадывать подлецов. У меня есть идеи, как превратить твой дар и мою... специфику в золотой поток.

— Давай, рви душу! Только предлагай что-то, где мне не потребуется давать тебе разрешение на откорм!

— Знаешь, сколько аристократов теряют в наследственных спорах завещания, замурованные в стены или зарытые под старыми дубами? Я могу находить их за десять минут, проходя сквозь перекрытия. Мы будем брать «процент за удачу». Это законно, благородно и чертовски дорого.

— Нет, звучит как-то слишком уж легко. И, мне кажется, ты привираешь. Какой смысл отдавать завещания, если можно добыть их самостоятельно, а потом просто продать человеку? Уверена, на деле все куда сложнее, да и офицер, занимающийся таким вот бесовством — так себе затея! — уверенно отвергла я его предложение. Но, к моему удивлению, Лука не сник.

— Тогда-аа В Петербурге полно нуворишей, которые скупают за бешенные деньги «артефакты с историей». Я вижу ауру вещей. Мы можем предлагать услуги по «очистке» домов от семейных проклятий и призраков. Даже если их там нет, я могу устроить небольшое представление для убедительности. Людишки платят огромные деньги, чтобы просто спокойно спать! — Демон отвалился в кресле и посмотрел на меня с вызовом.

— Нет! — твердо ответила я и продолжила с мясом.

— Защита от «лиха». Помнишь чиновников из «Серебряных прудов»? Теперь они напуваны. Ты можешь продавать им заговоренные амулеты, которые я буду слегка подзаряжать своей энергией. Это своего рода билет на спокойную жизнь. Пока они платят — им очень везет в жизни. Точнее, я лично подстрою так, что они будут замечать это везение.

— Это называется абонемент, и в моем времени, создавшие вот такие подписки — самые страшные люди, которым гореть в аду! А на службу ты когда будешь ходить? К слову ты сейчас не должен быть там? Да и вообще, третий вариант звучит как чистой воды рэкет, — заметила я, хотя губы самовольно растянулись в улыбке.

— Я не знаю, что такое рэкет, но это не оно, Аннушка! — парировал Лука. — Так что выбирай: либо мы ищем клады мертвецов, либо доим живых страховщиков. В любом случае, печенкой я больше питаться не намерен. Я и так эту шкуру не очень уважаю, а когда она начинает рыгать, чувствую себя котом, отрыгивающим шерсть!

— Придумай что-нибудь, что не пахнет каторгой.

Лука закатил глаза и вдохновенно начал перечислять:

— Ну, раз мы такие честные... Можно заняться поиском кладов. Я чувствую металл сквозь землю, если он «фонит» старой кровью или проклятиями! А еще, я могу являться к богатым вдовцам в образе покойных жен и настоятельно советовать переписать наследство на твое имя...

«Какая пошлаятина...Защита от Лиха, старые клады» — вдруг раздалось у меня в голове. Голос был не Луки. Тот был звонким и язвительным, а этот — скрипучий, глубокий, похожий на звук ломающихся на морозе веток. Я едва не выронила вилку.

— Ты это слышал? — выдохнула я, глядя на беса.

— Слышал что? Твой желудок, протестующий против телятины? — Лука подозрительно прищурился.

«Он слаб, Анна. Глуп и слаб», — голос доносился будто не из мыслей, а из моего желудка! — *«Беса, нет Демон! Целый демон в мундире... Это как же тебя угораздило его привязать к себе? Стой, стой да он родовой! Точно! Был бесом, дорос до демона? Не-ет, не дорос, случайно обратился. Демон твой — снаружи чешица, внутри — ни чего. Тьфу! Дай ему волю, он тебя по судам затаскает со своими "вдовцами". Слушай меня, девка...»*

Я похолодела. Лихо. Одноглазая тварь из «Серебряных прудов» не ушла в Предел. Когда я сомневалась, занося узду для удара, артефакт сработал как ловушка, а не как портал. Обиженное, злое существо застряло в узде, и теперь сидело у меня на привязи. Я поняла это все так быстро и так неожиданно, что впала в ступор. Мне не нужно искать ответы на вопросы, касаемые моего артефакта. Мне надо просто расслабиться, и в момент внутреннего — молчаливого вопроса приходит понимание! Это как когда заносишь ногу для шага. Ты думаешь только о том, что нужно идти, а не о том, что надо поднять ногу!

— Анна, ты побледнела, — Лука отложил приборы. — Что происходит?

— Оно здесь, — прошептала я. — В узде.

— Ты о чем? — лицо мужчины стало напряженным. Он поймал мой застывший взгляд, решил, что я смотрю в точку за ним, обернулся, но не увидев никого, снова уставился на меня.

«Здесь, здесь, куда ж я денусь в такой тесноте, да и ты сомневалась. Правильно, барыня, правильно», — Лихо издало сухой, каркающий смешок. — *«Хочешь денег? Слушай внимательно. В Петербурге есть три дома, где замурован твой доход. Золото там лежит*

мертвым грузом, потому что его охраняет "неприкаянный" дух. Он и отводит случай от момента, когда его можно было бы найти! Твой бес их не учит — у него нос только на свежатинку заточен. А я выведу.

— Это Лихо, Лука, оно говорит со мной! — прошептала я.

Лука, поняв, что я действительно слушаю пустоту, вскочил:

— Анна, используй узду, выжги его! Заставь уйти за Предел! Что оно тебе говорит?

«Ой, напугал ежа...» — Лихо снова хохотнуло. — *«Выжги, и сама останься с пустобрехом в человеческой шкуре? Мы теперь с тобой, красавица, одной ниточкой связаны. Хочешь золота — слушай старое Лихо, а не этого клоуна в соплях и эполетах».*

— Лука, я разрешаю тебе слышать Лихо! — приказала я и глянула на него внимательнее. И когда поняла, что мой приказ выполнен, и Лука сейчас слушает о себе очень неприятные вещи, захохотала.

Он же выглядел взбешенным: его авторитет единственного консультанта по темным делам только что с треском рухнул. А я поняла, что у меня теперь не один советчик, а два. И один из них явно смыслил в петербургской недвижимости куда больше легиона бесов.

А еще, мы же знаем, что, если на рынке появляется похожий продукт, они начинают между собой конкурировать. И эта вот конкуренция, как правило, рождает качество. Пусть Лука только заикнется о новых жертвах для своего «роста»!

Глава 14

— Я подумаю над твоими предложениями, Лука, — сказала я, когда карета, скрипнув полозьями, замерла у крыльца «Дубов». — Но имей в виду: если Лихо предложит что-то более интересное, я выберу его предложение!

— Не «его», — ответило Лихо.

— Что? — с не привычки я аж вздрогнула.

— «Её», раз уж вы обо мне, — пояснило Лихо.

— Я думала ты — «оно», — несколько извиняющимся тоном пояснила я.

— Давай еще извинись перед этой тварью, — осклабился Лука,

поправляя воротник шинели Алексея. В облике следователя он стал болезненно щепетилен к деталям — то пуговицу перешьет, то сапоги заставит денщика начистить до зеркального блеска. Кажется, плотская жизнь начинала ему нравиться куда больше, чем он готов был признать.

— А с этим я сама как-нибудь разберусь! — парировала я.

— Да-да, разберись. И, заодно разберись с тем, что тащишь сейчас в свой дом. Лихо! Это не котенок, и даже не гончая, которая погрызет диваны. Это тварь, которая грызет удачу, радость и здоровье. Чем ты ее кормить будешь? Печенкой говяжьей? Твоя ей куда больше нравится! — Лука вышел следом за мной, и, похоже, не собиравшись отпускать меня домой одну.

— Степанида меня замучила репутацией, ты — ужасами вот этими. Хватит с меня! — я уже сделала шаг к двери, но Лука поймал меня за руку.

— Репутация — это платье, которое всегда можно перекроить, Анна. А вот здоровье и жизнь ваша, человеческая — весьма ненадежные вещи, если в доме селится Лихо! Если планируешь держать её на коротком поводке, надо заключить сделку!

— О! У тебя открылась чакра со знаниями? До этого ты только и мог, что просить пожрать и выпить. Откуда знания прибавились? — хихикнула я.

— Смейся, смейся, Аннушка, а потом не плачь! — обиженный демон поплелся к карете. — Я чувствую, вечер будет длинным, а мой «сосуд» уже мечтает о горизонтальном положении.

Решив не отвечать, я не стала его держать. Он сел в карету, и она тронулась. Пусть подумает!

В окнах «Дубов» уже горел теплый, маслянистый свет. Дома меня ждал покой — или я так думала, пока не открыла тяжелую дубовую дверь. В холле пахло не только привычным воском и жареным луком, но и чем-то еще

Из гостиной доносились голоса, и это не был обычный вечерний шум.

— Степанида, это просто возмутительно! — голос Катерины звенел от негодования. — Она замерзла, она ребенок! Какая разница, кто она и откуда? Принеси чаю и тех кренделей, что пекли утром. Ты ведешь себя как старая ханжа!

— Не положено, Катерина, — басовито и упрямо гудела в ответ Степанида. — И нечего мне тут указывать. Сидит, бельмы свои вытаращила, а сама будто насквозь видит. Ишь, уставилась в пустоту! Вшей поди на ней — не перечесать! Анна Львовна в прошлый раз ей и платья, и еще какую одежду подарила, а она снова в рвани! Не по себе мне от таких гостей, не по-людски это. Да еще и глазья её! Глядит — и ровно в душу лезет, хоть и слепая. Чур меня, чур!

Я скинула шубу и быстрым шагом вошла в гостиную. На самом краю бархатного дивана, словно боясь его испачкать, сидела маленькая хрупкая фигурка. Варенька. Моя Сирина. Облик её был неизменным: серое, ладно сшитое, но поношенное платьице, худенькие плечи и лицо, которое могло бы принадлежать фарфоровой кукле, если бы куклам было дано знать все горести этого мира. Она сидела идеально ровно. Её голова была чуть склонена набок, а пустые, молочно-белые глаза были устремлены в сторону окна, хотя видела она ими отнюдь не засне-

женный сад. Варенька «посмотрела» в мою сторону. Удивительно, как точно она всегда определяла мое местоположение.

— Степанида, накрывай на стол. Живо, — отсекла я все споры, едва переступив порог. — И чтобы крендели были теплыми. Катя, помоги ей с тяжелым подносом, а я займусь гостьей.

Степанида поджала губы, что-то проворчала про «чертовщину в доме» и удалилась, тяжело топая. Катя бросила на меня вопросительный взгляд, но, увидев мое серьезное лицо, послушно вышла вслед за кухаркой.

— Здравствуй, Анна Львовна, — голос у Вари был тихий, надтреснутый, как старый пергамент. — Прости, что без зова. Ноги сами принесли, а дух гнал в спину.

— Здравствуй, Варя. Пойдем в библиотеку, там нам никто не помешает. — Я коснулась её плеча. Оно было ледяным несмотря на то, что девочка пробыла в теплом доме уже как минимум четверть часа, пока мы с Лукой спорили на улице.

Мы прошли в библиотеку. Она опустилась в кресло, утонув в его массивных складках, и на лице ее проступила тень облегчения.

— Ты чего это, Варенька? — я присела напротив, всматриваясь в её необычные, словно космос, глаза. — Случилось что у вас в приюте? Неужто беда?

— Нет, Анна Львовна, всё тихо и мирно. Я из-за другого пришла. Ты новости слушаешь, а я их чую. Случилось в Петербурге нехорошее.

— Слушаю тебя. Может, всё же за столом? Катерина накрывает ужин, она обидится, если остынет. Я от неё теперь ничего не скрываю, она у нас девочка боевая, сама знаешь.

Варя качнула головой, и это движение было резким, пугающим.

— Нет. Для Катерины эти вести горькие будут. Она ведь из «наших», хоть и при деле теперь. А новости мои о таких, как она. О детях, Анна Львовна. Дети стали теряться. Я почувствовала, как внутри всё сжалось. В Петербурге дети пропадали часто — трущобы Коломны и Лиговки забирали их десятками: болезни, голод, несчастные случаи. Но Варя никогда не пришла бы ко мне по пустякам.

— Рассказывай всё по порядку, — потребовала я, чувствуя, как узда на бедре отозвалась коротким, предупреждающим импульсом тепла. — Недельки две как началось, — Варя начала мерно раскачиваться, словно входила в транс. — Сначала пропал Митька Косой с Сенной. Ворюга малый, но с искрой. Он умел, знаешь, Анна Львовна, так на замок посмотреть, что тот почти сам открывался. Не магия еще, так, шепоток в крови. Потом исчезла Ляля с Васильевского. Та вообще чудная — птиц понимала, они ей на плечи слетались. Бездомная, ничья, а птицы её кормили.

Она замолчала, её пальцы судорожно вцепились в подлокотники.

— А на днях пропал мальчишка из приличных, из мещан. Родители думают — сбежал, а я слышала, как за ним Тени пришли. Он огонь на ладони умел греть, не обжигаясь. Понимаешь теперь?

— Ты хочешь сказать, что кто-то целенаправленно собирает детей с... задатками? — спросила я, и мой голос прозвучал неестественно громко в тишине комнаты.

— Не просто собирает, — Варя «уставилась» на меня своими белыми провалами глаз. — Ищут тех, в ком сила еще не проснулась, но уже бродит, как молодое вино. Полубесы, вещуны, стихийники малые. Те, в ком кровь Предела смешалась с людской. Их ищут, Анна Львовна. Причем не люди ищут, а что-то такое... непонятное. Есть разговоры, что и взрослые тоже теряются, но я про них не пекусь — своих дел хватает.

— Варя, ты уверена, что это Тени? Да и что это за Тени?

— Ну, я не знаю, как это назвать, вот и назвала Тенями. Не понимаю сама. А это... это оттуда. Я чувствовала их боль, Анна. Не телесную, а такую, будто из них самую суть вытягивают через соломинку.

Я встала и подошла к окну. Снег валил хлопьями, скрывая очертания сада. Мир казался таким спокойным,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.